

Аннотация

Магистерское диссертационное исследование «Гражданско-правовые последствия недействительности сделки: вопросы теории и практики» посвящено исследованию института недействительности сделок и применению правовых последствий к таким сделкам. Как известно, сделки занимают особое место в системе юридических фактов, поскольку они способны формировать гражданские правоотношения.

В современных экономических условиях прослеживается тенденция увеличения количества совершаемых сделок. Причем увеличение числа сделок, заключаемых субъектами гражданского оборота, объективно приводит и к одновременному увеличению числа действий, обладающих признаками недействительных сделок, к которым в судебном порядке применяются последствия недействительности. Данное положение несколько не способствует динамике развития гражданского оборота на современном этапе, а, наоборот, вызывает неуверенность в своем имущественном положении у субъектов рыночных отношений, ослабляет товарно-денежные отношения.

В данной работе рассмотрены следующие положения: доктринальные воззрения ученых-цивилистов на понятие «недействительная сделка», определение правовой природы недействительности сделок, соотношение ничтожных и оспоримых недействительных; сделок, применение последствий недействительности сделок общих и специальных, разграничение способов защиты гражданских прав - реституции, кондикции и виндикации.

Методологической основой исследования послужили частнонаучные и специальные методы: синтез, анализ, обобщение, сравнительно-правовой, формально-логический, исторический.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников. Первая глава носит преимущественно теоретический характер, в ней раскрыто понятие недействительная сделка с позиции разных доктринальных воззрений, соотношение ничтожной и оспоримой сделок. Вторая глава посвящена правовым последствиям при признании сделки недействительной. В третьей главе произведено соотношение различных требований - реституции, виндикации и кондикции.

В заключении работы представлены результаты проведенного исследования, выявлены некоторые проблемы правового регулирования института недействительности сделок и применения последствий недействительности, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: сделка, недействительность, недействительность сделок, ничтожность и оспоримость сделок, последствия недействительности, добросовестность, реституция, кондикция, виндикация.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общая характеристика недействительных сделок.....	8
1.1 Понятие и правовая природа недействительных сделок.....	8
1.2 Соотношение ничтожных и оспоримых недействительных сделок.....	17
Глава 2 Правовые последствия недействительности сделок.....	17
2.1 Двусторонняя реституция как основное последствие недействительности сделок: понятие и природа.....	31
2.2 Иные специальные правовые последствия недействительности сделок...52	
2.3 Общие последствия недействительности сделки.....	65
Глава 3 Соотношение требований о применении последствий недействительности сделок со сходными требованиями.....	77
3.1 Соотношение требований о реституции и кондикции.....	77
3.2 Соотношение требований о реституции и виндикации.....	90
Заключение.....	101
Список использованных источников.....	109

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В системе юридических фактов сделки занимают особое место, поскольку именно они лежат в основе возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. Качественное правовое регулирование гражданского оборота невозможно без такого элемента как гражданско-правовой институт сделки.

В свою очередь, институт сделки содержит положения о недействительных сделках, правовая природа которых вызывает определенный научный и практический интерес, поскольку субъекты недействительных: сделок не достигают желаемых ими результатов вследствие применения к возникшему между ними правоотношению государственного принуждения, которое юридически аннулирует это правоотношение, действия, нарушающие условия действительности, являются неправомерными. Большое количество недействительных сделок наносят вред как стабильности гражданского оборота в целом, так и правам и законным интересам его отдельных участников.

В современных экономических условиях прослеживается тенденция увеличения количества совершаемых сделок. Причем увеличение числа сделок, заключаемых субъектами гражданского оборота, объективно приводит и к одновременному увеличению числа действий, обладающих признаками недействительных сделок, к которым в судебном порядке применяются последствия недействительности. Данное положение несколько не способствует динамике развития гражданского оборота на современном этапе, а, наоборот, вызывает неуверенность в своем имущественном положении у субъектов рыночных отношений, ослабляет товарно-денежные отношения.

К сожалению, необходимо признать, что в отношении сегодняшнего состояния учения о недействительных сделках в отечественной науке гражданского права и правоприменительной практике существует много не

решенных проблем. Все это диктует необходимость глубокого и принципиально нового изучения проблем недействительности юридических сделок, а также формулирования научно обоснованных практических рекомендаций в данной области для законодателя и правоприменительных органов.

Теоретической основой исследования стали произведения таких авторов как М. М. Агарков, С. С. Алексеев, Брагинский, С. Н. Братусь, Е. В. Васьковский, А. В. Венедиктов, В. В. Витрянский, Ю. С. Гамбаров, Д. М. Генкин, А. М. Гуляев, М. А. Гурвич, Н. Л. Дювернуа, О. С. Иоффе, В. Б. Исаков, М. Я. Кириллова, К. И. Комиссаров, О. А. Красавчиков, Е. А. Крашенинников, В. Ф. Маслов, Д. И. Мейер, И. Б. Новицкий, Г. Л. Осокина, Н. В. Рабинович, Н. Г. Растеряев, А. П. Сергеев, В. И. Синайский, Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, Е. Н. Трубецкой, Д.О. Тузов, Б. Б. Черепяхин, В. П. Шахматов, Г. Ф. Шершеневич, Т. М. Яблочков, и некоторых других.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации, иное гражданское законодательство в виде федеральных законов, содержащие нормы, регулирующие отношения по защите гражданских прав, связанные с недействительностью сделок.

Эмпирическая база исследования включает обзоры судебной практики, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Практическое значение исследования сводится к тому, что сформулированные и аргументированные в данной работе выводы и предложения могут быть полезны при совершенствовании норм действующего гражданского законодательства Российской Федерации, а также практики его применения в сфере как признания сделок недействительными, так и применения последствий их недействительности.

Также возможно использование материалов настоящего диссертационного исследования в учебном процессе при преподавании курса гражданского права, а также спецкурсов договорно-правовой тематики.

Апробация результатов исследования. Работа выполнена на кафедре коммерческого, предпринимательского и финансового права Юридического института Сибирского Федерального Университета. Основные выводы и предложения научного и практического характера были представлены в виде докладов на научно-практических конференциях, а также в наз[^]ных публикациях автора. Материалы настоящего исследования были использованы при проведении занятий по гражданскому праву во время прохождения педагогической практики.

Методологическая основа исследования. Были использованы частнонаучные и специальные методы исследования: синтез, анализ, обобщение, сравнительно-правовой, системно-правовой, формально-логический, исторический и др.

Цель исследования — проведение комплексного научного анализа института недействительности сделок, включающего изучение норм материального, гражданского процессуального права и существующей судебной практики по спорам применения последствий недействительности сделок.

В соответствии с поставленной целью определяются следующие задачи исследования:

- отразить основные подходы к определению правовой природы недействительной сделки;
- исследовать развитие норм о недействительности сделок в отечественном гражданском праве;
- соотнести ничтожные и оспоримые недействительные сделки;
- исследовать правовую природу реституции в качестве общего последствия недействительности сделок и рассмотреть условия ее применения;

— рассмотреть иные специальные правовые последствия недействительности сделок;

— соотнести требование о применении последствий недействительности сделок с требованиями о виндикации и кондикции;

— выявить недостатки гражданско-правового регулирования недействительности сделок и показать тенденции правоприменительной практики, складывающейся в результате применения данных норм.

Объект диссертационного исследования — общественные отношения, возникающие по поводу признания сделки недействительной и применения последствий к таким сделкам.

Предметом исследования явились некоторые теоретические воззрения ученых-цивилистов относительно института недействительности сделок, а также проблемы законодательства и правоприменительной практики, возникающие при определении правовой природы недействительности сделок, соотношения ничтожных и оспоримых сделок, применения правовых последствий недействительности сделок.

Структура магистерской диссертации определена необходимостью раскрытия поставленной цели исследования и состоит из введения, трёх глав, объединяющих семь параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ СДЕЛОК

1.1 Понятие и правовая природа недействительных сделок

В науке гражданского права сложились различные взгляды относительно правовой природы института недействительных сделок. Обращаясь к термину «правовая природа» возникает необходимость установить сущность, раскрыть основные свойства, исследуемого явления:

- определить место недействительных сделок в системе юридических фактов;
- выявить специфические признаки недействительных сделок, позволяющие отграничить их от других юридических действий.

Термин «недействительность» встречается в юридической науке как признак того или иного института, определяющий наступление определенных правовых последствий. Наиболее обширным исследованиям правовая категория недействительности подверглась в гражданском праве. До сих пор в доктринальной и практической сферах существует большое количество вопросов относительно понятия «недействительность».

Генезис недействительности сделок уходит корнями в Древний Рим. Однако общего учения о недействительности сделок в римском праве все же не было разработано. В отличие от современных подходов к сделкам, в римском праве смотрели не на эффект (последствия), а на сам акт¹

На основе большого опыта, который предоставляли римские источники в XIX в. немецкая юридическая наука выработала и ввела в научный оборот две строго ограниченные друг от друга категории: а) ненаступление юридического эффекта сделки и б) непризнание за сделкой вследствие её несоответствия установленным требованиям силы приводить к тому состоянию отношений, которое имелось в виду при её совершении².

¹ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учеб. М., 1999. С. 235

² Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки. Пандектное учение и современное право. М., 2006. С. 10.

Б. Виндшейд писал, раскрывая соотношение между двумя этими определениями, что первое понятие значительно многограннее второго - «юридическая сделка может не производить последствий и без того, чтобы её дефектом была парализована её сила»[^].

Новое представление о недействительности сделок быстро распространилось за пределы Германии. Среди *других* правовых систем её восприняла итальянская цивилистическая доктрина (находившаяся в то время под сильным влиянием немецкой юридической науки), что существенно отразилось во многих гражданско-правовых институтах и в последствии нашло свое отражение в законодательстве.

Б. Виндшейд связывал недействительность не просто с отсутствием, а именно с отрицанием вероятного юридического результата сделки. Он отмечает, что «никто не станет спорить против того, что в практике недействительным называют преимущественно то, что не признается, хотя и могло бы быть признано»[^]. Основанием этого отрицания он рассматривает юридические недостатки юридического акта. Именно по основаниям отсутствия (отрицания) юридических последствий Б. Виндшейд проводит различие между недействительностью как таковой и бессилием юридических актов. Это различие он видит в том, что основанием недействительности являются недостатки самой сделки (юридического акта), в то время как основанием бессилия являются обстоятельства, лежащие вне сделки.

Таким образом, недействительность, т. е. отрицание юридических последствий, связывается Б. Виндшейдом с юридическими недостатками, которые рассматриваются как основание недействительности. При этом в отличие от бессилия вообще основания недействительности (юридические недостатки) касаются самой сделки, а не иных обстоятельств, лежащих вне сделки.

[^] Виндшейд Б. Учебник пандектного права. СПб., 1874. Т. 1. С. 187.
"См. там же С. 192.

Отечественная юридическая наука также не осталась в стороне в изучении института недействительности сделок.

Н. А. Растеряев так определял общий признак недействительности для всех недействительных сделок: «...некоторый, желаемый результат не происходит или если и происходит, то не в желаемом объеме»[^]. Недействительность сделки, как отмечал он, является недостатком сделки, неспособностью произвести определённый правовой эффект, вследствие чего сделку надо понимать как юридически неправильную, недействительную.

Н. А. Растеряев под недействительностью понимал любые случаи лишения сделки юридической силы, хотя бы и не связанные с недостатком формы самой сделки. В частности, в качестве видов недействительности сделок называются следующие:

недействительность сделок лиц недееспособных и неправоеспособных;

недействительность сделок в случае, когда предмет их изъят из гражданского оборота;

недействительность сделок в силу запрещения закона;

недействительность сделок вследствие их пороков воли;

недействительность сделок в смысле потери исковой силы;

недействительность сделок ввиду отменности их (ст. 1547 т. X ч. I Свода законов Российской империи), когда сторона отступится добровольно от своего права требования по договору в целом или в части;

недействительность сделки вследствие неоконченности ее (отсутствует завершенный фактический состав, требуемый для возникновения сделки);

недействительность сделки в смысле упраздненности ее (упразднение суспензивного (отлагательного) условия);

[^] Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Доγμαтическое исследование. СПб. 1901. С. 4.

недействительность двусторонних сделок ввиду нарушения взаимности;

недействительность сделки вследствие неудовлетворения третьих лиц[^].

представленное «такое разнообразие значения недействительности», по классификации Н. А. Растеряева свидетельствует о том, что правовая природа недействительных сделок «подвижна, часто трудно уловима и едва ли постоянна по своим существенным признакам»[^].

Таким образом, под недействительностью следует понимать отрицание правом тех юридических последствий, на которые была направлена сделка. Основанием недействительности надо считать причину, по которой наступает недействительность, т. е. юридически значимые обстоятельства (недостатки), влекущие недействительность сделки.

Одним из первых к необходимости разграничения недействительной сделки как юридического факта и недействительной сделки как правоотношения подошёл Н. Л. Дювернуа. Он сопоставлял понятие недействительной сделки с понятием фальшивой и ходячей монеты. Действительность или недействительность монеты относится к признанию (или непризнанию) за ней силы служить законным платёжным средством. Если монета является фальшивой, она не сможет законным быть платёжным средством, т. е. будет считаться недействительной. Следует отметить, и такая фальшивая монета, как и законная монета, всё равно будет называться монетой[^].

По поводу недействительных сделок Н. Л. Дювернуа задавался следующим вопросом: «...не составляет ли этот отрицательный признак, недействительность, отсутствие делового исхода, юридического эффекта волеизъявления прямого отрицания понятия сделки?». И тут же отвечает:

[^] Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Догматическое исследование. СПб., 1901. С. 4.

['] См. там же. С. 65.

[^] Учение о вещах; Учение о юридической сделке // Чтения по гражданскому праву / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М.; С. 195.

«Если мы называем сделкой и такое волеизъявление, которое не производит юридического эффекта, свойственного понятию сделки известного типа, то этот термин, но сопровождаемый необходимо известной его квалификацией, несомненно, перестаёт угрожать опасностью путаницы понятий»[^].

По мнению Д. О. Тузова, «недействительная сделка, не существует для
Факт, но не юридический»¹⁰.

Сделка безотносительно её действительности или недействительности представляет собой изъявление воли субъекта (субъектов), непосредственно направленное на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей. К числу основных признаков такой сделки относятся:

- 1) имеет место волеизъявление субъектов;
- 2) волеизъявление направлено на определённые правовые последствия.

Д.О. Тузов отмечает, что использование категории «недействительность» сразу в двух значениях: в собственном смысле отсутствия юридического эффекта (порок сделки) и в смысле наличия в сделке пороков, приводящих к такому отсутствию, приводит к тому, что ничтожность и оспоримость рассматриваются в качестве видов недействительности^{^ ^}.

Продолжая эту мысль, можно отметить, что категории недействительности и порочности могут в рамках конкретных фактических составов образовывать различные сочетания. Порочная сделка в зависимости от характера имеющихся в ней дефектов может быть как недействительной (ничтожная или аннулированная судом оспоримая сделка), так и действительной (оспоримая сделка до момента объявления её недействительной). И наоборот, сделка, не имеющая никаких внутренних пороков, являясь по общему правилу действительной, в отдельных случаях в силу обстоятельств внешнего характера, лежащих за пределами её

[^] Гутников О. в. Недействительность сделок в гражданском праве. М., 2003. С. 69.

¹⁰ Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 9.

^{^^} Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия ... С. 8.

фактического состава, может и не иметь правового эффекта, т. е. быть действительной (например, завещание до момента смерти завещателя).

В этом контексте говорят о «недействительности в узком смысле»: сделка недействительна, потому что не влечёт присущего ей правового эффекта, хотя такая - не связанная с пороками - недействительность и может затем перейти в действительность (например, после смерти завещателя, если завещание не будет отменено). В соответствии с этим недействительность в узком смысле классифицируется как первоначальная, которая является вместе с тем временной, так как должна либо смениться состоянием действительности, либо превратиться в окончательную недействительность и последующую'^.

В доктрине термин «недействительность» часто используется именно в указанном узком смысле первоначального отсутствия эффекта сделки, не имеющей пороков. Противопоставленная недействительности в таком её понимании порочность характеризуется двумя существенными моментами: внутренним характером порока и «радикальностью» его влияния на сделку, т. е. сделка является недействительной изначально или становится такой впоследствии, как если бы никогда не совершалась.

На тесную связь понятия недействительности с отсутствием юридического эффекта указывает также Д. В. Дождев. Он различает следующие виды ограничения эффекта сделки:

- 1) ничтожность сделки - сделка признается несуществующей;
- 2) недействительность - сделка не производит ожидаемого эффекта, и требование кредитора лишено исковой защиты, однако исполнение по такой сделке не считается исполнением недолжного; при восполнении отсутствующих реквизитов в дальнейшем такая сделка может получить силу;
- 3) обратимость - сделка действительна, но по требованию одной из сторон ее эффект может быть отменен;

4) оспоримость - эффект, производимый сделкой, может быть блокирован решением суда по заявлению одной из сторон^{^^}.

Не оценивая по существу элементы приводимой классификации, можно, тем не менее, заметить, что правовой эффект у различных категорий недействительности может быть ограничен:

в различном объеме (сделка может признаваться вовсе несуществующей либо же сделка «не производит ожидаемого эффекта, однако исполнение по такой сделке не считается исполнением недолжного»);

разных моментов времени (правовой эффект отсутствует либо с момента совершения сделки, либо с определенного момента после ее совершения);

независимо от воли сторон сделки либо в результате заявления одной из сторон.

Д.В. Дождев указывает, «важно, что тот эффект, который должно производить волеизъявление, не наступает»^{^^}. Иными словами, при недействительности имеет место не просто отсутствие правовых последствий у определенного явления (в данном случае сделки), а именно отрицание тех последствий, которые при нормальном развитии событий должны были наступить, но в силу тех или иных причин не наступают.

На протяжении не одного века, исследователи ведут споры по поводу правовой природы недействительных сделок.

Так И.Б. Новицкий применил понятие «противоправная сделка», указывая, что определенные правовые последствия она вызывает, но эти последствия иные, чем те, к которым стремились стороны^{^^}.

Однако не все разделяют такую позицию, приводя аргументы, в соответствии с которыми признание недействительных сделок - сделками стирает грани между сделками и правонарушениями.

^{^^} Дождев д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. М., 1997. С. 126.

^{*} См. там же. С.143.

^{^^} Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. -М.: Госюриздат, 1954. С. 66

Не соглашаясь с вышеуказанными взглядами, известный ученый-цивилист Д.М. Генкин писал: «Могут указать, что признание ничтожных сделок за сделки стирает общепринятое различие между сделками и неправомерными действиями - деликтами. Для сделки как юридического факта, в отличие от деликта, характерно наличие действия (воли), направленного на установление, изменение, прекращение гражданского правоотношения, тогда как при деликте лицо, его совершившее, вовсе не желает наступления тех или иных правовых последствий»^{^^}. Исходя из этого, можно сделать вывод, что Д.М. Генкин отождествлял понятия правонарушение и деликт, то есть считал правомерность и неправомерность не элементом сделки как юридического факта, а элементом, определяющим те или иные последствия сделки.

Наиболее оптимальной (нейтральной) позицией можно назвать точку зрения Н.В. Рабинович, которая недействительные сделки называла одновременно и сделками, и правонарушениями «особого порядка», отмечая при этом, что в данном случае следует говорить о правонарушении в широком смысле этого слова^{^^}.

Особый интерес представляет изложенная позиция, так как проводит четкую грань между понятиями правонарушение и деликт. В связи с этим, представляется правомерным выделение группы так называемых не деликтных правонарушений, включающих неосновательное обогащение, ненадлежащее исполнение договора и т.д.

В связи с этим Ф.С. Хейфец считает, что «недействительные сделки, являясь действиями неправомерными, представляют собой правонарушения. Отсутствие в настоящее время в системе гражданского права категории не деликтных правонарушений свидетельствует только о том, что она должна быть разработана. Но, на наш взгляд, это не дает никаких оснований

* Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. - Вып. 5. С.50.

• ^ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. - Л.: Изд-во Ленинградского унта, 1960. С.12.

относить недействительные сделки к институту сделок, т.е. к правомерным юридическим действиям, направленным на достижение определенного юридического результата, к которому стремились участники сделки»^{^^}.

М.В. Телюкина считает, что «если исходить из того, что сделки - действия правомерные, ответить логически безукоризненно крайне сложно». В соответствии со статьей 153 Гражданского Кодекса РФ, определение сделки не содержит указаний ни на характер действия (правомерное оно или нет), ни на последствия. Также, в законе не сказано, что сделкой является действие, влекущее за собой правовые последствия, желаемые сторонами (такой вывод обычно делается из негативного определения, данного в п. 1 ст. 167 ГК РФ). Поэтому, исходя из буквального толкования норм Гражданского кодекса Российской Федерации, по мнению М.В. Телюкиной, сделками являются и действительные, и недействительные сделки; главный же их критерий - это направленность на возникновение, изменение, либо прекращение правоотношений. Действительные сделки порождают правовые последствия, желаемые сторонами, а недействительные - те последствия, которые указаны в законе^{^^}.

В связи с этим нам представляется интересным точка зрения Д.И. Мейера, который полагает, что «...подобно юридическим действиям вообще, и сделки могут быть разделены на законные и незаконные и только законные сделки можно назвать сделками, поскольку сделки незаконные не считаются действительными, следовательно, и существующими. Но ничтожество поражает эти сделки только при соприкосновении их с общественной властью, а независимо от того они существуют точно так же, как и сделки законные, и встречаются нередко в действительности» .

Итак, проанализировав различные доктринальные воззрения, недействительная сделка — это неправомерное действие, совершенное в виде сделки, в котором законом и (или) судом установлено нарушение хотя бы

^{^^} Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. - М.: Юрайт, 2000, СЛ5.

^{^^} Телюкина М.В. Понятие сделки: теоретический и практический аспекты // Адвокат. - 2002. -№ 8. С.27.

^{^^} Мейер Д.И. Русское гражданское право: Издание пятое - М.; Книга по Требованию, 2012. С.177-178.

одного из условий действительности последней, не способное породить те гражданско-правовые последствия, наступления которых желали его субъекты.

1.2 Соотношение ничтожных и оспоримых недействительных сделок

Разграничение недействительных сделок на ничтожные и оспоримые является основной классификацией Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом недавняя реформа гражданского законодательства, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу, изложены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», внесли большое количество изменений в данный институт, которые требуют подробного анализа.

Так еще дореволюционный цивилист Н. Растеряев писал: «В науке существует два вида недействительности сделок: ничтожность и оспоримость. В основание различия недействительных сделок положены следующие принципы: сделка, нарушающая нормы, охраняющие права лиц и запрещающие известные действия в интересе общественном или государственном, то есть нарушает права публичные, то это ничтожная сделка; сделки, нарушающие нормы, охраняющие интересы частного лица, признаются недействительными только по требованию потерпевшей стороны»^{^^}

Н.В. Рабинович указывает на то, что выделение оспоримых сделок обусловлено трудностями, которые возникают при выявлении их

^{^^} Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Догматическое исследование. СПб., 1901. С.18-19.

недостатков и необходимости именно предоставления доказательств наличия последних^{^^}.

Традиционно критериями различия оспоримых и ничтожных сделок являлись:

- порядок признания соответствующих сделок недействительными;
- круг лиц, которые имеют право заявлять о недействительности сделок;
- применяемый срок исковой давности.

В соответствии с первым выделенным критерием, отличительным признаком ничтожной сделки является ее неспособность породить правовые последствия независимо от признания ее таковой судом. Напротив, оспоримая сделка в момент ее совершения создает юридический эффект, на который она направлена. Она может стать недействительной только в случае признания ее таковой судом, для чего требуется предъявление отдельного иска^{^^}.

Данный критерий отчетливо проведен законодателем в п. 1 ст. 166 Гражданском кодексе Российской Федерации: «...сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка)».

Следует отметить, что в ходе прошедшей в 2013 г. реформы Гражданского кодекса, существенно затронувшей подраздел «Недействительность сделок», рассматривался вопрос о возможном отказе от легального определения оспоримых и ничтожных сделок^{^^^}.

Причиной подобного предложения стала борьба с подходом, согласно которому деление сделок на ничтожные и оспоримые является основанием

^{^^} Рабинович, Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. - С.16.

^{^^} Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2013. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права (автор главы - В.С. Ем). С. 365.

^{^^} Громов А.А., Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М.: Акцион-Медиа, 2014. С. 51.

для отказа в предоставлении возможности заявлять в суд самостоятельное требование о признании ничтожной сделки недействительной^{^^} Ситуация осложнялась отсутствием в дореформенном законодательстве нормы, предоставляющей участникам оборота соответствующее право требования. Так, в ст. 166 ГК РФ в предыдущей редакции предусматривалось только два возможных требования: о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании оспоримой сделки недействительной. При этом в соответствии со ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав возможна только способами, предусмотренными законом, что, руководствуясь формальной логикой, свидетельствовало об отсутствии у лица права требовать признания ничтожной сделки недействительной.

Однако в ряде случаев для участников оборота крайне важно быть уверенным в ничтожности или, наоборот, действительности определенной сделки. Такая необходимость может возникнуть, в частности, если последствия сделки касаются не только непосредственных ее участников, но и третьих лиц^{^^}. К примеру, доказательства заинтересованности должника могут быть связаны с совершением уступки права требования без его согласия по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника^{^^}. Исключение возможности предъявлять в суд требования о признании недействительными таких сделок означало бы лишение заинтересованных лиц права на судебную защиту (п. 1 ст. 3 ГПК РФ, п. 1 ст. 4 АПК РФ).

Однако приведенный аргумент об отказе от легального разграничения ничтожных и оспоримых сделок в итоге не был поддержан, поскольку

^{^^} Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденная Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства протоколом от 11 марта 2009 г. № 2. С. 65,66.

^{^^} Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 ноября 2015 г. по делу № А32-5231/2013; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 октября 2015 г. по делу № А32-15375/2014; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2015 г. по делу № А72-5653/2015 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».- Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

^{^^}Тромов АА., Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. С. 53.

судебная практика и до введения изменений допускала возможность подачи соответствующего иска.

В соответствии с п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» ничтожная сделка является недействительной независимо от признания ее таковой судом. Учитывая, что ПС РФ не исключает возможность предъявления исков о признании недействительной ничтожной сделки, споры по таким требованиям подлежат разрешению судом в общем порядке по заявлению любого заинтересованного лица^{^^}.

Приведенная правовая позиция была изложена еще в 1996 г. и впоследствии активно поддерживалась судебной практикой. К примеру, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 5 апреля 2011 г. № 15278/10 по делу № А65-1798/2010-СГЗ-13 суд признал заинтересованным лицом, правомочным подать иск о признании ничтожной сделки недействительной, собственника имущества, из владения которого оно было против его воли, а впоследствии - перепродано. Предметом иска в данном случае являлось признание недействительным ничтожного договора купли-продажи, по которому вещь была отчуждена конечному приобретателю^{^^}.

В сентябре 2013 г. представленное правовое решение, господствующее в судебной практике, стало нормой закона. В соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 166 ГК РФ в редакции от 1 сентября 2013 г. требование о признании недействительной ничтожной сделки независимо от применения последствий ее недействительности может быть удовлетворено, если лицо, предъявляющее такое требование, имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной.

^{^^} Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 24.03.2016) О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета, № 152, 1996.

^{^^} Аналогичный подход изложен в Постановлении Президиума ВАС РФ от 27 мая 2008 г. № 4267/08 по делу № А40-28822/07-50-268 // СПС «КонсультантПлюс».

Развивая указанное положение, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что подобный подход, а именно предъявление требования о признании сделки недействительной без заявления требования о применении последствий ее недействительности, возможен только в отношении ничтожных, а не оспоримых сделок: «...в случае удовлетворения иска в решении суда о признании сделки недействительной должно быть указано, что сделка является ничтожной»^{^^}.

Таким образом, еще одним отличием ничтожных сделок от оспоримых является возможность предъявления в суд иска о признании ничтожной сделки недействительной в отсутствие сопутствующего ему реституционного требования[^].

Второй критерий, отграничивающий оспоримые сделки от ничтожных, - это круг лиц, имеющих право заявлять требование о недействительности сделок.

В отличие от ничтожных, нарушение законодательных запретов оспоримой сделкой влечет за собой возникновение права заинтересованного лица на обращение в суд для ее аннулирования. Сама же сделка в момент ее заключения действительна. Ее последующее оспаривание приведет стороны в первоначальное положение, что негативно отразится на имущественном обороте. Как отмечено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, значительная часть подобных споров инициируется недобросовестными лицами, стремящимися избежать исполнения принятых на себя обязательств^{^^}.

^{^^} Пункт 84 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[^] Старцева Ю.В. Общие положения недействительности сделок в свете разъяснений Верховного Суда Российской Федерации // Судья. 2015. № 10. С. 60.

^{^^} См. 5Л.1, Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Как следствие, законодатель в ходе недавней реформы ГК РФ предусмотрел ряд дополнительных ограничений для оспаривания сделок, направленных на скорейшее исцеление оспоримой сделки.

Во-первых, при заявлении требования о признании оспоримой сделки недействительной лицо должно доказать, что сделка нарушает или его собственные права, или права третьего лица, в чьих интересах заявлен иск об оспаривании сделки (абз. 2, 3 п. 2 ст. 166 ГК РФ).

В соответствии с последующими разъяснениями данное требование исключается только в двз^х случаях: при оспаривании сделки по основаниям, установленным в ст. 173.1 и п. 1 ст. 174 ГК РФ, когда нарушение прав и охраняемых законом интересов лица заключается соответственно в отсутствии согласия, предусмотренного законом, или нарушении ограничения полномочий представителя или лица, действующ^его от имени юридического лица без доверенности^^.

Во-вторых, требование о признании ничтожной сделки недействительной может заявить также и заинтересованное лицо, то предъявить аналогичный иск в отношении оспоримой сделки вправе только ее стороны или лицо, наделенное данной возможностью в силу закона (абз. 1 п. 2 ст. 166 ГК РФ). Так, согласно п. 1 ст. 65.2 ГК РФ участники корпорации вправе, в частности, оспаривать, действуя от имени корпорации, совершенные ею сделки по основаниям, предусмотренным ст. 174 ГК РФ или законами о корпорациях отдельных организационно-правовых форм, и требовать применения последствий их недействительности, а также применения последствий недействительности ничтожных сделок корпорации.

В-третьих, Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает специальное требование к лицу, оспаривающему сделку, выражающееся в необходимости действовать добросовестно. Проявление данного принципа в данном случае заключается в том, что оспаривание

³³ Старцева С.В. Указ. соч. С. 60, 61.

сделки возможно, если только из предшествующего поведения истца нельзя было сделать вывод о его желании сохранить силу сделки (абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ). Данное условие имеет место, если в момент совершения действия, свидетельствующего о воле лица сохранить сделку, оно знало об основании для оспаривания, которое впоследствии было использовано им в иске^{^^}.

Так, недобросовестное поведение лица, оспаривающего сделку, было признано Верховным Судом Российской Федерации в случае, в котором истец оспаривал договор поручительства в ситуации, когда, по сути, неплатежеспособный основной должник, в значительной части контролируемый истцом, уже получил исполнение по договору без внесения платы. Суд указал, что действия истца направлены на освобождение подконтрольного ему лица от исполнения договорных обязательств по обеспечительной сделке, что представляет собой использование корпоративных правил об одобрении крупных сделок исключительно в целях причинения вреда контрагенту. Такие интересы истца не подлежат судебной защите в силу п. 4 ст. 1 ГК РФ, не допускающего возможность извлечения выгоды из своего недобросовестного поведения^{^^}.

Также было признано недобросовестным поведение залогодателя, оспаривающего сделки по реализации предмета залога, в ситуации, в которой основанием для обращения взыскания на заложенное имущество явилось ненадлежащее исполнение истцом взятых на себя обязательств по кредитным договорам, непринятие им мер, направленных на сохранность заложенного имущества в период до обращения взыскания, которые впоследствии привели к гибели предмета залога (скот)^{^^}.

^{^^} См. п. 72. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета.-№ 140.-2015.

^{^^} Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2014 г. № 305-ЭС14-68 // СПС «КонсультантПлюс».

^{^^} Постановление АС Северо-Западного округа от 25 июня 2015 г. по делу № А44-6637/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, анализируя нормы гражданского законодательства, некоторые исследователи делали акцент на некой «размытости» граней между ничтожной и оспоримой недействительных сделок.

Так А.П. Сергеев определял, что порядок признания сделок недействительными и круг лиц, имеющих право на совершение таких действий, не могут служить надежным критерием для подразделения недействительных сделок на ничтожные и оспоримые^{^^}. Рассуждая далее, автор приходит к выводу, что между оспоримыми и ничтожными сделками нет существенных различий, а критерии их разграничения носят формальный характер.

В силу прямого указания закона к ничтожным сделкам, в частности, относятся: соглашение об устранении или ограничении ответственности лица, указанного в пункте 3 статьи 53.1 ГК РФ (пункт 5 статьи 53.1 ГК РФ); соглашение участников товарищества об ограничении или устранении ответственности, предусмотренной в статье 75 ГК РФ (пункт 3 статьи 75 ГК РФ); сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (статья 169 ГК РФ); мнимая или притворная сделка (статья 170 ГК РФ); сделка, совершенная гражданином, признанным недееспособным вследствие психического расстройства (пункт 1 статьи 171 ГК РФ); соглашение о переводе должником своего долга на другое лицо при отсутствии согласия кредитора (пункт 2 статьи 391 ГК РФ); заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства (пункт 4 статьи 401 ГК РФ); договор, предусматривающий передачу дара одаряемому после смерти дарителя (пункт 3 статьи 572 ГК РФ); договор, устанавливающий пожизненную ренту в пользу гражданина, который умер к моменту его заключения (пункт 3 статьи 596 ГК РФ); кредитный договор или договор банковского вклада, заключенный с нарушением требования о его письменной форме (статья 820 ГК РФ, пункт 2 статьи 836 ГК РФ). В силу

^{^^} Гражданское право. В 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. - М. : - 2009. - С 492.

пункта 5 статьи 426 ГК РФ условия публичного договора, не соответствующие требованиям, установленным пунктами 2 и 4 этой статьи, являются ничтожными^{^^}.

Недействительность ничтожной сделки совпадает с ее возникновением, поэтому она недействительна сама по себе, в том числе независимо от того, нарушаются ли ею права участников сделки. В отношении ничтожных сделок, в отличие от оспоримых, суд не вправе принять отказ от исковых требований по причине ничтожности сделки, утверждать между сторонами мировое соглашение, предметом которого является сохранение в силе ничтожной сделки либо ее части.

Еще одним существенным различием оспоримых и ничтожных сделок является срок исковой давности, установленный ст. 181 Гражданского кодекса Российской Федерации.

По общему правилу срок исковой давности составляет три года и начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (ст. 196, 200 ГК РФ).

Однако данное положение не распространяется на притязания о признании ничтожных или оспоримых сделок недействительными ввиду наличия специального регулирования (ст. 181 ГК РФ).

Так, для требований сторон ничтожной сделки о применении последствий ее недействительности и о признании такой сделки недействительной установлен трехлетний срок исковой давности, который исчисляется со дня, когда началось исполнение ничтожной сделки, то есть одна из сторон приступила к фактическому исполнению сделки, а другая - к принятию такого исполнения (п. 1 ст. 181 ГК РФ).

Таким образом, течение срока исковой давности определяется объективным моментом, а не субъективной осведомленностью сторон о

^{^^}* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. - № 140.-2015.

нарушении их прав, что объясняется самим характером ничтожных сделок, изначально не имеющих юридической силы и не создающих каких-либо прав и обязанностей как для сторон по сделке, так и для третьих лиц.

Поскольку право на предъявление иска в данном случае связано с наступлением последствий исполнения ничтожной сделки и имеет своей целью их устранение, то именно момент начала исполнения такой сделки, когда возникает производный от нее тот или иной неправовой результат, в действующем гражданском законодательстве избран в качестве определяющего для исчисления срока давности .

При этом следует учитывать, что, как указано в п. 82 Постановления от 23.06.2015 № 25, срок исковой давности по иску о возврате индивидуально-определенной вещи, переданной в пользование, начинается независимо от момента признания сделки недействительной не ранее отказа соответствующей стороны сделки от ее добровольного возврата.

Между тем ранее в практике арбитражных судов использовался другой подход. Так, Президиум ВАС РФ исходил из того, что исковая давность по требованию о возврате переданного в пользование помещения исчисляется также с момента совершения недействительной сделки, совпадающего с моментом начала ее исполнения"^{^^}.

Интересно, что правовая позиция, в соответствии с которой исковая давность начинает течь не ранее отказа соответствующей стороны от добровольного возврата индивидуально-определенной вещи, применяется Верховным Судом Российской Федерации и при разрешении споров о виндикации. Так, в одном из определений Судебной коллегии по экономическим спорам указано, что исковая давность не течет, пока у истца

^{^^} См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 10.-2015.

^{^^} Постановление Президиума ВАС РФ от 05-02.2013 № 11906/12 по делу № А56С194/2011// Вестник ВАС РФ.-2013.-№5.

сохранялись разумные ожидания того, что имущество будет возвращено, и ответчик не противопоставлял свое владение праву собственности истца^{^^}

Кроме того, в новой редакции п. 1 ст. 181 ГК РФ предусмотрено специальное правило на случай, если о применении последствий ничтожности сделки заявляет лицо, не являющееся стороной сделки. Следует отметить, что ранее данная норма устанавливала универсальный порядок исчисления срока исковой давности как для сторон по сделке, так и для третьих лиц. Теперь по требованиям, предъявленным лицом, не являющимся стороной сделки, течение срока исковой давности начинается со дня, когда это лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения. Таким образом, теперь будет учитываться то обстоятельство, что для третьих лиц не всегда является очевидным факт ее совершения. При этом срок исковой давности во всяком случае не может превышать десяти лет со дня начала ее исполнения.

Однако, как разъяснено в пункте 69 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данной преференцией лица, не являющиеся стороной сделки, смогут воспользоваться только в случае, если до 1 сентября 2013 года не истек трехлетний срок исковой давности по требованию о признании сделки недействительной, исчисляемый по правилам, предусмотренным ранее действовавшим законодательством .

Изложенные положения приводят к выводу о том, что начало течения исковой давности по требованию о признании ничтожной сделки недействительной так или иначе связано с исполнением по ней. Однако, если по ничтожной сделке ни одна из сторон не исполнила обязательство, срок исковой давности по требованию о признании ничтожной сделки недействительной не течет.

*¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2015 № 305-ЭС15-1923 // СПС «КонсультантПлюс».

*² См., например: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.09.2015 по делу № А45-26478/2014; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.06.2015 по делу № А53-22171/2014.// СПС «КонсультантПлюс».

при этом необходимо рассмотреть вопрос, неурегулированный положениями ст. 181 ГК РФ. С 1 сентября 2013 года на иски о признании сделки ничтожной распространяется течение исковой давности. Данное регулирование способствует сохранению стабильности оборота и устойчивости отношений его участников. Однако такая характеристика, как ничтожность, по общему правилу является необратимой и подобная сделка не может приобрести статус действительной по истечении срока давности. При этом заявление в суд требования о признании недействительной ничтожной сделки не является единственным средством, которым может воспользоваться участник оборота. Помимо этого лицо вправе заявить о ее ничтожности, что будет являться основанием для отказа в иске о взыскании задолженности по такой сделке. В этой связи возникает вопрос, распространяются ли ограничения, связанные с истечением срока исковой давности, на подобные возражения о ничтожности сделки.

Ответ на него представлен в п. 71 Постановления от 23.06.2015 № 25, в соответствии с которым возражение ответчика о том, что требование истца основано на ничтожной сделке, оценивается судом по существу независимо от истечения срока исковой давности для признания этой сделки недействительной.

Кроме того нужно иметь в виду, что для правильного разрешения дела и применения в том числе норм об исковой давности необходимо определить, из какого правоотношения возник спор. Так, в п. 83 Постановления от 23.06.2015 № 25 указано, что при рассмотрении требования покупателя к продавцу о возврате уплаченной цены и возмещении убытков, причиненных в результате изъятия товара у покупателя третьим лицом по основанию, возникшему до исполнения договора купли-продажи, ст. 167 ГК РФ не подлежит применению. Такое требование покупателя рассматривается по правилам ст. 460 - 462 ГК РФ. По смыслу п. 1 ст. 461 ГК РФ исковая давность по этому требованию

исчисляется с момента вступления в законную силу решения суда по иску третьего лица об изъятии товара у покупателя.

Что касается исковой давности по искам о признании недействительными оспоримых сделок[^] ГК РФ в этой части не претерпел изменений. В соответствии с п. 2 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (пункт 1 статьи 179), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной .

Так, согласно п.5 Постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» срок давности по иску о признании недействительной сделки, совершенной с нарушением порядка ее одобрения, исчисляется с момента, когда истец узнал или должен был узнать о том, что такая сделка требовала одобрения в порядке, предусмотренном законом или уставом, хотя бы она и была совершена раньше^{^^*}. Предполагается, что участник должен был узнать о совершении сделки с нарушением порядка одобрения крупной сделки или сделки с заинтересованностью не позднее даты проведения годового общего собрания з[^]астников (акционеров) по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, если из предоставившихся участникам при проведении этого собрания материалов можно было сделать вывод о совершении такой сделки (например, если из бз[^]галтерского баланса следовало, что изменился состав основных активов по сравнению с предыдущим годом).

^{^^} См. П.102. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета-№ 140-2015.

^{^*} Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью»// Вестник ВАС РФ, № 6, июнь, 2014.

Таким образом, для оспоримых сделок срок исковой давности установлен в один год и его течение начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка, либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной. Для применения последствий ничтожных сделок срок исковой давности установлен в три года. Если с требованием о признании сделки недействительной обращается третье лицо, то течение срока исковой давности начинается с момента, когда третье лицо узнало или должно было узнать о начале исполнения такой сделки. В любом случае срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня начала исполнения сделки (п. 1 ст. 181 ГК РФ).

Таким образом, отличие ничтожных сделок от оспоримых можно провести по следующим признакам: указание в законе на ничтожность сделки, ничтожность сделки независимо от нарушения прав и интересов участников сделки и третьих лиц; ничтожность сделки независимо от желания лиц сохранить сделку; возможность констатации судом ничтожности сделки, в том числе и в рамках судебного разбирательства по другому предмету; возможность применения судом последствий недействительности сделок по своей инициативе в публичных целях; трехлетний срок исковой давности.

ГЛАВА 2 ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК

2.1 Двусторонняя реституция как основное последствие недействительности сделок: понятие и природа

Важным элементом института недействительности сделок является применение правовых последствий к таким сделкам. Признание судом сделки недействительной означает, что сторона, которая получила вещь по данной сделке, владеет и пользуется ею незаконно и, по общему правилу, стороны возвращаются в тот режим, в котором находились до заключения сделки^{^^} Как отмечает К.И. Скловский, «обязанность по реституции возникает в силу решения суда, если стороны не договорились об ином»^{^^}.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий (за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью) и недействительна с момента ее совершения. При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре - возместить его стоимость (если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом) .

Таким образом, основным последствием признания сделки недействительной является реституция, то есть возвращение сторон в первоначальное состояние, в котором они пребывали до совершения сделки. Тем самым «реституция в одинаковой степени воздействует на участников сделки, не выделяя ни одного из них как правонарушителя и потерпевшего»^{^^}.

^{^^} Мосечкин И.Н., Махнев А.В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // Российская юстиция, - 2018, - № 3. - С. 25 - 28.

^{^^} Скловский К.И. Основные положения о поручительстве с учетом изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации // Судья. - 2016. - № 9. - С. 11.

^{^^} Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета, - № 238-239. - 08.12.1994.

^{^^} Сينيцын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 34.

Что касается правовой природы реституции, то необходимо для полного понимания рассмотреть различные подходы, известные современной доктрине, поскольку до сих пор нет единой точки зрения относительно данного правового явления. Наглядным примером является то, что некоторые авторы признают реституцию обязательством^{^^}, другие категорически отрицают обязательственный характер реституции^{^^}.

В соответствии с получившим преобладание взглядом о признании реституции в качестве особой меры, специфической для института недействительности сделок примерно с середины прошлого века вводится технический термин «реституция» (от лат. *restituere* - возвращать обратно, восстанавливать). Он приобретает в советской цивилистике узкоспециальное значение, не совпадающее ни с тем значением, которое ему придавалось в римском праве (*restitutio in integrum* - особое средство преторской защиты, состоящее в игнорировании правоприменителем определенного имевшего в действительности место юридического факта), ни с тем, в котором его использует современная частноправовая доктрина зарубежных стран (в основном — реализация кондикционных требований). Под реституцией стало пониматься возвращение сторонами недействительной сделки друг другу полученного ими по такой сделке имущества или же компенсация стоимости полученного при невозможности его возврата в натуре[^] ^ Эта мера более точно стала именоваться «двусторонней реституцией».

Такое понимание реституции, по мнению профессора Даниила Олеговича Тузова, во многом явилось плодом резко негативного отношения советской правовой идеологии к самому феномену недействительных сделок, которые рассматривались как проявления «пережитков капитализма», «буржуазной, частнособственнической идеологии» в сознании отдельных

^{^^} См., например: Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, - 2007. - С. 99-103.

^{^^} Джанаева А.М. Указ. соч. С. 131; Калмыков Ю. Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. Саратов, 1987 С. 51; Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., - 2010. - С. 20-23.

[^] Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М.: Статут, - 2007. - С. 75.

«отсталых» лиц, как правонарушения, борьба с которыми - одна из важнейших задач советского государства в лице его правоохранительных органов^{^^}.

Теория и практика этой борьбы не могли, разумеется, строиться на фундаменте частноправовых конструкций и категорий. Поэтому в советском праве реституция приобретает ярко выраженные публично-правовые черты, становясь, по сути, особым средством «гражданско-правовой борьбы с недействительными сделками». Она преследовала уже не частный, а государственный, публичный интерес, становясь специфическим властным инструментом устранения «вредных последствий» незаконных сделок, не имеющим почти ничего общего с классическим частноправовым притязанием. Согласно этой концепции для реституции интересы участников сделки не имеют какого-либо значения: она рассматривается не как средство защиты субъективных гражданских прав и интересов сторон недействительной сделки, а как мера, «охраняющая правопорядок»^{^^}.

В практическом плане это привело к установлению в советской судебной и арбитражной практике обязанности суда при рассмотрении споров о недействительности сделок всегда применять реституцию, в том числе и по собственной инициативе. Сходное положение, хотя и не императивное для суда и с некоторыми иными ограничениями, предусмотрено и сегодня, но уже на законодательном уровне: согласно п. 4 ст. 166 ГК РФ суд вправе применять последствия недействительности ничтожной сделки по собственной инициативе. Правда, в отличие от предыдущей редакции данной нормы (ранее содержавшейся в абз. 2 п. 2 ст. 166 ГК РФ), такая инициатива возможна, только если это необходимо для защиты публичных интересов, а также в иных предусмотренных законом случаях, что несколько смягчает диссонанс рассматриваемого положения с

^{^^}• Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, - 2007.- С.416.
^Σ См. там же. С. 386.

принципом диспозитивности, основополагающим для частного права и гражданского процесса.

Дальнейшим шагом в оформлении реституции в качестве самостоятельной меры стала ч. 2 ст. 48 ГК РСФСР 1964 г.^{^^}, установившая для недействительных сделок в качестве общего правила единое последствие в виде реституции, не употребляя, впрочем, самого этого термина. Вместе с тем в этом Кодексе не были воспроизведены имевшиеся в ГК РФ РСФСР 1922 г. отсылки к институту неосновательного обогащения (ст. 147, 149, 150У\

Следующий подход основывается на господствующей концепции реституции сегодня. Ту же позицию российский законодатель без существенных изменений вновь выражает, с принятием в 1994 г. части первой ныне действующего ГК РФ. Хотя установление указанного общего правила о реституций ни в ранее действовавшем, ни в новом ГК РФ само по себе еще недостаточно для вывода о том, что тем самым для возврата ползаченного по недействительной сделке имущества была введена специальная охранительная мера, все же в пользу особого характера реституции говорит ряд иных законодательных положений, реализованных в ныне действующем Гражданском кодексе Российской Федерации.

Так, ст. 12 ГК РФ в перечне способов защиты нарушенного права специально предусмотрела так называемые требования «о применении последствий недействительности сделки», а ст. 181 ГК РФ установила при ничтожности сделки специальные правила исковой давности по ним в отношении как начала ее течения (день начала исполнения сделки), так и - первоначально - ее продолжительности (10 лет; впоследствии, однако, законодатель вернулся к общему сроку в 3 года). Далее, в результате

^{^^} Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР - 1964, - № 24, - ст. 407.

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153—208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018.-С.429.

недавней реформы обязательственного права^{^^}, исполнение реституционных обязанностей автоматически в силу закона считается обеспеченным тем же способом, который был предусмотрен для исполнения не возникшего обязательства из сделки, оказавшейся недействительной (п. 3 ст. 329 ГК РФ), что не характерно для иных правоотношений.

Наконец, ст. 1103 ГК РФ рассматривает требование о возврате исполненного по недействительной сделке в одном ряду с требованиями о виндикации, о возмещении вреда, о возврате исполненного в связи с каким-либо обязательством и, кроме того, устанавливает субсидиарное применение к нему, как и ко всем указанным требованиям, положений гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении. Все это приводит к выводу, что обязанности сторон возвратить друг другу полученное ими по недействительной сделке или компенсировать его стоимость в деньгах мыслятся законодателем в качестве самостоятельных, имеющих некую совершенно особую правовую природу, существующих в рамках автономного юридического отношения, которое не совпадает с иными известными гражданскому праву имущественными правоотношениями охранительного характера. Реституция, таким образом, конструируется как самостоятельная охранительная мера, отличная от иных гражданско-правовых мер, в том числе от кондикции - иска из неосновательного обогащения и виндикации^{^^}.

Такой подход к пониманию реституции, традиция которого, как было показано, уходит своими корнями в советскую цивилистическую доктрину, с введением в действие части первой ГК РФ окончательно утверждается также в практике российских судов и с тех пор является достаточно стабильным.

Еще один подход - критика господствующей концепции реституции.

Вместе с тем изложенное господствующее понимание реституции и основанный на нем подход к решению правовых вопросов, возникающих при

^{^^} о внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Российская газета, -№ 52, - 13.03.2015.

^{^^} Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М.: Статут, - 2007. - С.103.

недействительности сделок, неизвестные иным развитым правовым порядкам, представляются совершенно неоправданными и, более того, вредными, о чем ясно свидетельствует практика применения реституции .

Приведенные выше нормы, которые дают такому подходу легальное основание, создают для реституции какой-то особый, исключительный режим, не характерный для частноправовых средств защиты. Понять их появление в действующем ГК РФ, впрочем, несложно, учитывая унаследованную из советского права концепцию реституции как специфической меры, охраняющей не частный интерес, а правовой порядок в целом. Их переживание при принятии части первой ГК РФ объяснялось, по-видимому, конъюнктурными соображениями и утилитарными целями. Можно лишь предположить, что вывести имущественные притязания сторон недействительной сделки из-под общего гражданско-правового режима и подчинить их специальным правилам, в частности действию первоначально удлиненной, десятилетней исковой давности (см. ст. 181 ГК РФ в редакции до внесения в нее изменений Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 109-ФЗ), требовалось во второй половине 90-х гг. прошлого века и в первые годы нынешнего столетия для более эффективной борьбы государства с незаконными сделками приватизации (в условиях, когда иные, конкурирующие охранительные притязания оказались бы задавленными)^{^^}.

Однако оправдать существование подобных положений в современном праве, как и устоявшееся специфическое понимание правовой природы реституции, сегодня вряд ли возможно. Если оставить в стороне конъюнктурные соображения, обоснованным видится иной, традиционный подход, исходящий из понимания недействительности сделки как просто отсутствия правового основания, а соответствующих имущественных притязаний — как известных «классических» средств, предусмотренных для

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - С. 428.

⁵⁵ См. там же С. 430.

устранения ситуации неосновательного владения чужим имуществом или обогащения^{^^}.

Согласно такому подходу реституция не является самостоятельной охранительной мерой, но выражается (или должна выражаться), в зависимости от конкретных обстоятельств, в «общих» гражданско-правовых притязаниях, в частности из неосновательного получения имущества, виндикации. Поскольку если, исходя из господствующей позиции, рассматривать и толковать действующую норму о реституции совершенно автономно, то, поскольку в ней обязанности сторон недействительной сделки по возврату полученного или (при невозможности возврата в натуре) возмещению его стоимости буквально сформулированы как безусловные, не зависящие ни от вины стороны, ни от каких-либо иных обстоятельств, это может приводить - и на практике приводит - к применению реституции без ^Зета фундаментальных цивилистических принципов, определяющих бремя несения риска случайной гибели или повреждения имущества, устанавливающих основания и условия гражданско-правовой ответственности и др^{^^}.

Приведем наглядный пример. Некто А передал Б по ничтожной сделке автомобиль и получил за него деньги. На следующий день А, управляя этим же автомобилем, привел его в полную негодность, а полученные за него деньги вернуть отказывается. Как Б может защитить свои интересы? Деликтный иск здесь невозможен, поскольку А не причинил вреда чужому имуществу, ибо уничтожил свою собственную вещь (по причине ничтожности сделки право собственности к Б не перешло). В иске о «применении последствий недействительности сделки» в виде реституции было бы также отказано, так как при господствующем подходе реституция должна быть, а значит, ей воспрепятствовала бы невозможность возврата А

^{^^} Тузов Д.О. Кондикционный иск против неосновательно обогатившегося по ничтожной сделке собственника. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.01.2017 № 85-КГ16-13 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 24 - 30.

^{^^} Синицын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. 2015. № 19. С. 32 - 39.

вещи (автомобиля) со стороны Б. Если же Б решил бы предъявить А иск из неосновательного обогащения, справедливо полагая А обогатившимся за его счет, то согласно все тому же подходу этот иск должен был бы быть отклонен именно потому, что деньги были уплачены по недействительной сделке, а значит, требовать их возврата можно было бы лишь в порядке реституции. Очевидно, что если бы не эта специфическая конструкция двусторонней реституции, то уже изначально, с момента уплаты покупной цены, было бы возможно притязание из неосновательного обогащения, являющееся, как и все нормальные частноправовые притязания, односторонним; при этом последующее уничтожение вещи никак не повлияло бы на его осуществление^{^^}.

Можно заметить, что в механизме учета затрагиваемых при осуществлении реституции интересов сторон, нет ответов на ряд вопросов, связанных с конкретным содержанием их прав и обязанностей, в частности, о судьбе плодов и доходов, полученных незаконным владельцем от пользования имуществом, о последствиях произведенных им в связи с этим затрат и улучшений, об условиях и размере ответственности в случае несохранности вещи и т.п. Иными словами, унаследованное из советской правовой реальности видение реституции как охранительного средства привело к созданию довольно примитивного инструмента, не способного обеспечить потребности правового регулирования в данной области общественных отношений^{^^}.

С другой стороны за тысячелетия своего развития гражданское право выработало систему достаточно надежных критериев, позволяющих наиболее справедливо распределять имущественные потери, неизбежно сопутствующие хозяйственной жизни общества. С этим не могут не считаться законодатель и правоприменитель, особенно в тех ситуациях, когда

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - С.431.

^{^^} Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М.: Статут, - 2007. - С.359.

механизм понимаемой реституции оказывается бессильным или его применение ведет к явно несправедливым последствиям. Думается, именно поэтому отмеченная проблема «дефицита» правовых средств была отчасти решена законодателем путем установления в п. 1 ст. 1103 ГК РФ правила о субсидиарном применении к отношениям сторон недействительной сделки норм гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении, в частности, о судьбе доходов, извлеченных из истребуемого имущества, а также произведенных на его содержание и сохранение затрат, о размере и условиях ответственности незаконного владельца за утрату или повреждение вещи (п. 2 ст. 1104, ст. 1107, 1108 ГК РФ). Однако эти нормы не затрагивают, например, вопроса о судьбе неотделимых улучшений вещи и полз^енных от нее плодов. Пробел этот мог бы быть легко устранен применением к соответствующим отношениям правил гл. 20 ГК РФ о защите права собственности. С другой стороны, по той же причине правоприменитель иногда вынужден обращаться к нормам соответствующих смежных институтов вопреки господствз^ющему представлению о реституции.

Итак, очевидна потребность в применении к имущественным отношениям сторон недействительной сделки норм иных гражданско-правовых институтов.

При дальнейшем изложении отдельные вопросы реституции будут рассматриваться с точки зрения различных подходов, которые, как увидим далее, иногда выптужденно совмещаются правоприменителем. При этом на конкретных примерах будут показаны недостатки господствующего подхода, свидетельствующие о некоторых проблемах, а с другой стороны - достоинства альтернативного ему традиционного подхода.

На основании изложенного, под реституцией законодатель понимает общие «последствия недействительности»: здесь же содержится оговорка, что она имеет место, «если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом». Например, вместо реституции закон может

предписывать обращение полученного стороной по недействительной сделке в доход государства, возможность чего предусмотрена ст. 169 ГК РФ.

Реституция допустима только в случае недействительности сделки. Если же сделка действительна, то возможные требования о возврате произведенных по ней предоставлений (например, в случае расторжения договора) осуществляются в специально предусмотренном для этого порядке (в приведенном примере в соответствии со ст. 453 ГК РФ), а не согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ. Так, например, само по себе отчуждение вещи у покупателя третьим лицом (эвикция) не означает недействительности договора купли-продажи (обязательственной сделки), по которому вещь была приобретена, даже если продавец не был ее собственником и, следовательно, не сделал таковым и покупателя; именно поэтому последующие претензии покупателя к продавцу, в частности о возврате покупной цены, имеют договорный характер, основываясь на действительном договоре купли-продажи и принимая форму требований в связи с ответственностью продавца за эвикцию. Как справедливо разъяснено в п. 83 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, «при рассмотрении требования покупателя к продавцу о возврате уплаченной цены и возмещении убытков, причиненных в результате изъятия товара у покупателя третьим лицом по основанию, возникшему до исполнения договора купли-продажи, статья 167 ГК РФ не подлежит применению. Такое требование покупателя рассматривается по правилам статей 460-62 ГК РФ»[^] (т.е. по нормам об ответственности за ненадлежащее исполнение действительного договора купли-продажи).

Представляется в корне неверным ввиду своей противоречивости подход, согласно которому наряду с обоснованным применением указанных норм об ответственности за эвикцию обязательственный договор купли-

[^] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета. - № 140.-2015.

продажи с неуправомоченным отчуждателем рассматривается тем не менее как ничтожный - этот подход нашел свое отражение в судебной практике^{^^}.

В связи с возникшими трудностями квалификации вышеупомянутых норм, представляется важным в данном исследовании - рассмотрение правовой природы реституционных правоотношений.

Реституционные правоотношения, по мнению Д. О. Тузова, являются обязательственными. Вывод об их обязательственной природе следует из легального понятия обязательства (п. 1, 2 ст. 307 ГК РФ), которому полностью, по его мнению, соответствуют «реституционные» права и обязанности^{^^}. Не противоречит этому выводу и вступивший в силу 1 июня 2015 г. п. 3 ст. 307.1^{^^}, который предусматривает применение общих положений об обязательствах к «требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделки» (подп. 2), «поскольку иное не установлено настоящим Кодексом, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений». Хотя эти требования, в отличие от договорных, деликтных и из неосновательного обогащения (п. 1, 2 этой же статьи), прямо и не именуется в данном пункте обязательственными, это отнюдь не препятствует их квалификации в качестве таковых. Об обязательственном характере реституционных правоотношений свидетельствует и то, что они обеспечиваются любыми способами обеспечения исполнения обязательств, предусмотренными для обязательства, которое возникло бы, если бы сделка не была недействительной (п. 3 ст. 329 ГК РФ).

Из обязательственной природы реституции исходит и судебная практика, которая допускает уступку реституционного требования^{^^}, а также

^{^^} Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2015 № 306-ЭС14-929 по делу № А55-11662/2013 Требование: О взыскании неосновательного обогащения, процентов // СПС «КонсультантПлюс».

[^] Тузов д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском факданском праве. — М.: Статут, 2007. - С.101.

^{^^} Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета, № 52, 13.03.2015

^{^^} См. например: Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2000 № 1066/99 - Исковые требования об обратном взыскании сумм, списанных со счета банка согласно исполнительной надписи нотариуса на

его прекращение, подобно любому обязательству, предоставлением отступного[^]. Причем иногда Высший Арбитражный Суд Российской Федерации прямо и недвусмысленно называл реституционное правоотношение обязательственным (вышеупомянутый п. 6 Информационного письма). Кроме того, известно, что на причитающиеся в порядке реституции сз[^]мы подлежат начислению проценты за неисполнение денежного обязательства с того самого момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств^{^**}.

Таким образом, подобно всякому обязательству, реституционное правоотношение - относительное, так как связывает конкретных лиц — сторон недействительной сделки или их правопреемников, а не «всех и каждого». По функциям, выполняемым в механизме правового регулирования, оно имеет, несомненно, охранительный характер, поскольку возникает как реакция правопорядка на безосновательные изменения в имущественной сфере сторон недействительной сделки. С точки зрения основания своего возникновения оно является внедоговорным, так как возникает не в силу договора (договор недействителен), а в силу закона^{^^}

В связи с тем, что сделка недействительна и обязательство имеется, внедоговорный характер, его предмет и содержание определяются исключительно исходя из факта сделанных предоставлений, а не на основе достигнутой сторонами договоренности. Так, например, если одна из сторон исполнила сделку, передав вещь, которая затем погибла, то обязанность получившей ее стороны по возмещению ее стоимости должна определяться не по согласованной в договоре цене, а исходя из рыночной стоимости вещи.

договоре гарантии, удовлетворены правомерно, так как был заключен договор уступки требования, не противоречащий закону // Вестник ВАС РФ, 2000, № 6

^{^^} См. например: пункт 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2005 г. № 102 // Хозяйство и право, № 5, 2006 (Обзор).

[™] См. пункт 55, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Российская газета, - № 70, - 04.04.2016.

[^] Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском фажданском праве. — М.: Статут, 2007. - С.269.

Как неоднократно отмечалось высшими судебными инстанциями, при невозможности возвратить полученное имущество в натуре суд в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ обязывает сторону возместить действительную цену (рыночную стоимость) имущества, по такому пути идет действующая судебная практика^{^^}.

Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации в определении по конкретному делу, возмещение стороне недействительной сделки лишь номинальной стоимости переданных ею приватизационных чеков расходится с конституционно-правовым смыслом норм п. 1 и 2 ст. 167, направленных на обеспечение равноценности и эквивалентности возмещения каждой стороне стоимости переданного имущества при невозможности его возврата в натуре^{^^}.

Вместе с тем порой судебная практика на уровне высшей судебной инстанции отходит от этого принципа. Такой неправильный, как представляется, подход имел место, например, при определении реституционной обязанности пользователя жилых помещений или земельного участка: последний был признан обязанным оплатить за фактическое пользование не рыночную цену, а цену, согласованную сторонами в недействительном (ничтожном) договоре^{^^}.

В связи с рассматриваемым вопросом требует взвешенной оценки официальное разъяснение, данное в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25: «По смыслу пункта 2 статьи 167 ГК РФ взаимные предоставления по недействительной сделке, которая была исполнена обеими сторонами, считаются равными, пока не доказано иное». Может сложиться впечатление, что тем самым - в части определения сторонами цены предоставления -

^{^^} Определение КЭС ВС РФ от 24 декабря 2015 г. № 309-ЭС15-11394; Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2014 г. № 1152/14 // СПС «КонсультантПлюс».

^{^^} Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 48-0 По жалобе гражданина Щепачева Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ, Х9 4, 2002

^{^^} см., например, Постановление Президиума ВАС РФ от 7 июня 2011 г. № 1744/11; Постановление Президиума БАС РФ от 4 декабря 2012 г. № 9443/12 // СПС «КонсультантПлюс».

недействительной сделке как бы придается юридическое значение. На самом деле это не так.

Соглашение сторон о взаимной оценке предоставлений рассматривается как всего лишь нечто фактическое и как таковое приводит в действие механизм презумпции, которая является опровержимой.

Об опровержимости рассматриваемой презумпции прямо высказывались как Высший Арбитражный Суд Российской Федерации¹¹, так и Верховный Суд Российской Федерации¹². Такая презумпция по вполне понятным причинам не должна вообще иметь места в случаях, когда основанием недействительности сделки является порок воли одной из сторон, использованный ее недобросовестным контрагентом именно для получения таким образом односторонней выгоды (насилие, угрозы, обман), а также существенное заблуждение относительно таких аспектов сделки, которые имеют значение для эквивалентности обмена. На это обстоятельство обратила внимание Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая конкретное дело: «формирование цены отчуждения происходило с пороками, не позволившими выявить экономически обоснованную стоимость имущества, что, в свою очередь, исключало возможность применения к спорным отношениям презумпции о равенстве взаимных предоставлений» (см. вышеупомянутое Определение). Далее, даже при отсутствии подобных обстоятельств эквивалентность лишь предполагается как факт и может быть опровергнута сторонами, при этом само по себе то обстоятельство, что стороны достигли соглашения о равноценности предоставлений, не имеет - именно в силу недействительности сделки - никакого юридического значения, за исключением рассматриваемого презумптивного. Поскольку в противном случае имело бы место неосновательное обогащение одной из

¹¹ см., например, Постановление Президиума ВАС РФ от 26 марта 2013 г. № 15327/12 // Вестник ВАС РФ, 2013, № 10.

¹² см., например, Определение КЭС ВС РФ от 9 июня 2016 г. № 308-ЭС14-9028 // СПС «КонсультантПлюс»

сторон, которое должно быть предотвращено^{^^}, а недействительной сделке придавалось бы, но сути, юридическое значение.

Доказанность же неэквивалентности влияет не только на содержание реституционных прав и обязанностей сторон недействительной сделки, но также влечет применение к стороне, получившей предоставление большей ценности, ответственности за неисполнение денежного обязательства в соответствии со ст. 395 ГК РФ. Согласно п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7, «когда доказано, что полученная одной из сторон данной сделки денежная сумма явно превышает стоимость переданного другой стороне, к отношениям сторон могут быть применены нормы о неосновательном обогащении (п. 1 ст. 1103, ст. ПО ГК РФ). В таком случае на разницу между указанными величинами начисляются проценты, предусмотренные ст. 395 ГК РФ, с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств»^{^^}.

Отечественная конструкция «применения последствий недействительности сделки» предполагает, по существу, принудительное осуществление судом двусторонней реституции, т.е. реституции не только в пользу самого истца, но и в пользу ответчика.

Руководствуясь таким, напрямую не основанном на законе, пониманием реституции в процессуальном аспекте, указанному пути следует и судебная практика. Так, согласно п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25, «при удовлетворении требования одной стороны недействительной сделки о возврате полученного другой стороной суд одновременно рассматривает

^{^^} см. Постановление Президиума ВАС РФ от 26 марта 2013 г. № 15327/12 // Вестник ВАС РФ, 2013, № 10

^{•^} Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Российская газета. - Ха 70. - 2016.

вопрос о взыскании в пользу последней всего, что получила первая сторона, если иные последствия недействительности не предусмотрены законом»^{7Q}.

Можно сделать вывод, что суд, рассматривая реституционное требование истца, должен, в случае его обоснованности, уже по своей инициативе, ex officio присудить не только ответчика в пользу истца, но и истца в пользу ответчика^{^^}.

Подобное понимание двусторонней реституции не учитывает, однако, того обстоятельства, что целью любого иска является защита прав или охраняемых законом интересов только истца и никого более.

Итак, признание за судом права и даже обязанности вынести решение как против ответчика, так и против истца одновременно, присудив их к «взаимной» реституции, противоречит принципу диспозитивности гражданского процесса, а также процессуальному положению сторон.

Система гражданского судопроизводства не рассчитана на применение мер принуждения вопреки воле заинтересованных лиц. Ведь если управомоченный сам не заинтересован в защите своих прав или охраняемых законом интересов, то принудить его к этому не в состоянии никакой суд. При вынесении подобного решения оно не может быть исполнено вопреки воле заинтересованного лица, без инициативы которого не может быть начато исполнительное производство.

Исходя из изложенного представляется, что как с доктринальных позиций, так и согласно принципам действующего законодательства для присуждения к реституции обеих сторон, а не только ответчика, самого по себе предписания о реституции недостаточно; необходимо предъявление ответчиком встречного иска, и тогда каждая сторона будет добиваться реституции в свою пользу, действуя в качестве истца. Например, сторона, истреб[^]ующая проданную по недействительному договору купли-продажи и

^{7Q} Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета. - № 140.-2015.

^{^^} Тузов д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М.: Статут, 2007. - С/Л 12.

переданную покупателю вещь, может отвечать по встречному иску последнего, будучи обязанной возвратить ему полученное от него встречное предоставление в виде уплаченной покупной цены, которое составляет неосновательное обогащение продавца. Если же встречный иск не будет заявлен, ничто не препятствует тому, чтобы предъявить то же требование в качестве первоначального иска в новом процессе. Таким образом, вопреки сложившемуся подходу (официальное разъяснение ВС РФ) думается, что каждое из противостоящих друг другу реституционных притязаний должно осуществляться посредством самостоятельного иска: все равно, первоначального или встречного, одновременно ли с притязанием другой стороны в рамках одного судебного разбирательства или же в двух разных процессах.

Вместе с тем нельзя не заметить, что присуждение к реституции отдельно в отношении каждой из сторон может создать существенные риски для одной из них. Добровольный возврат имущества, полученного по недействительной сделке, другой стороне (потенциальному ответчику), которого требуют Принципы УНИДРУА[^] [^] в качестве условия удовлетворения судом требования первой стороны о реституции в свою пользу, сложно себе представить практически в условиях российской действительности. Введение правила о таком добровольном возврате могло бы блокировать подачу исков о реституции, поскольку возлагало бы на истца большой риск того, что, первым вернув полученное им имущество, впоследствии он остался бы ни с чем, так как, во-первых, часто исход спора о недействительности сделки неочевиден, а во-вторых, потому что даже при положительном для истца исходе процесса не было бы никакой гарантии того, что он сможет добиться исполнения вынесенного судом решения о реституции в свою пользу из-за банкротства другой стороны или иных причин. Кроме того, первое из уже отмеченных обстоятельств —

[^] принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 год. // Закон, - № 12, - 1995.

неочевидность исхода спора о недействительности сделки - чаще всего является причиной незаявления другой стороной (ответчиком) встречного иска о реституции в свою пользу: поскольку если она не согласна с тем, что сделка недействительна, такой встречный иск противоречил бы ее собственной позиции по первоначальному иску. Необходимость же рассмотрения ее реституционных требований в новом судебном процессе создавала бы риск того, что по прошествии достаточно длительного времени, которое займут два судебных процесса, ответчик (бывший истец, ранее получивший удовлетворение по своему иску о реституции) окажется несостоятельным или взыскание с него по иным причинам будет затруднено. Все эти обстоятельства, казалось бы, говорят в пользу рассматриваемой процессуальной двусторонности реституции, в известном смысле обеспечивающей процессуальную экономию и минимизирующей риски сторон, которые те несли бы, если бы реституция в отношении каждой из них осуществлялась независимо от реституции в отношении другой^{^^}.

Данные соображения, безусловно, не лишены оснований, однако они имеют более общее значение, выходящее за пределы сферы действия реституции. Прежде всего, установленные законом реституционные обязанности, как и все иные внедоговорные обязательства, возникают в тот момент, когда совершается соответствующее действие (в нашем слз^ае - когда производится предоставление по недействительной сделке, что недвусмысленно вытекает из содержания п.2 ст.167 ГК РФ), а не в тот момент, когда суд выносит решение о присуждении.

Из этого следует, что они могут и должны исполняться добровольно, по требованию управомоченного лица, а в случае неисполнения к сторонам применимы меры судебного принуждения. То соображение, что вряд ли сторона недействительной сделки будет добровольно исполнять свою обязанность по возврату полученного по этой сделке имущества, можно

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос- 2018.-С. 441.

высказать относительно любой иной внедоговорной (охранительной) обязанности, как и то, что может быть - и чаще всего бывает - неочевидным исход любого дела по любому иску, а не только по иску в связи с недействительностью сделки. Конечно, существует риск того, что добровольно исполнившая свою реституционную обязанность сторона не получит удовлетворения. Но это - более общая проблема исполнения обязательств и судебных решений, не составляющая исключительной особенности реституции^^.

Тот факт, что у сторон недействительной сделки могут быть взаимные претензии в связи с недействительностью, не характеризует лишь эту категорию дел. Взаимные претензии могут быть и чаще всего бывают также у субъектов (действительного) синаллагматического договора или договора, исполненного полностью или частично обоими контрагентами, но впоследствии расторгнутого. В то же время допущение для реституции механизма процессуальной двусторонности - помимо того, что представляет собой паллиативное и, так сказать, «точечное» решение более общей проблемы, - приводит к искажению сущности гражданского процесса, ибо если ответчик (он же потенциальный истец) сам не требует чего-то, то он и не обосновывает в суде свое возможное требование, не представляет доказательств, собственных соображений, расчетов; при этом суд, присуждая в его пользу возврат имущества, действует исключительно по собственному разумению относительно содержания и объема обязанностей последнего, и дело, таким образом, в этой части решается без участия как управомоченного, так и обязанного лица.

Одним из возможных средств разрешения рассматриваемой проблемы могло бы быть, по мнению Д.О. Тузова, вынесение судом условного решения о присуждении одной из сторон к реституции, в котором указывалось бы, что оно подлежит принудительному исполнению только в

^^ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос- 2018.-С. 443.

том случае, если истец добровольно удовлетворит притязания ответчика и вернет ему полученное¹⁴. Недостатком этого варианта является, однако, то, что и здесь содержание и объем реституционной обязанности истца или останутся неопределенными, что приведет к новому спору, или же должны будут определяться в том же судебном решении, и тогда против этого варианта можно высказать все те же возражения, которые были высказаны против процессуальной двусторонности реституции.

Другой возможной альтернативой для процессуальной двусторонности могла бы быть, по мнению профессора Даниила Олеговича Тузова, возможность приостановления исполнения решения суда о присуждении одной из сторон к реституции по заявлению этой стороны с того момента, когда решение получит исполнительную силу. Ответчик, присужденный к реституции, но не согласный с тем, что сделка недействительна, исчерпав возможность обжалования судебного решения, не вступившего в законную силу, мог бы предъявить иск о реституции в свою пользу и ходатайствовать о приостановлении исполнения решения по первому делу вплоть до рассмотрения дела по его иску. При этом, чтобы гарантировать исполнимость первого решения, к соответствующему имуществу ответчика применялись бы обеспечительные меры (арест, внесение в депозит приставов и т.д.). При этом для реализации обоих альтернативных решений проблемы - как модели условного решения суда, так и модели приостановления исполнения судебного акта - необходимы, видимо, либо изменения процессуального законодательства, либо разъяснения по ряду процессуальных вопросов со стороны Верховного Суда Российской Федерации.

Подводя итог изложенному, можно сделать следующий вывод, реституционные правоотношения не являются классической разновидностью

¹⁴ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос- 2018.-С. 445.

гражданско-правовых, поскольку до сих пор нет единого понимания относительно их правовой природы.

Так, С.А. Сеницын считает, что реституционные отношения не должны зависеть от воли субъектов гражданского права, они реализуются в рамках принуждения, формы и пределы которого четко определены нормой права, выражают публичный, но не частный интерес: стороны не могут изменить, дополнить или заменить следующую из закона обязанность произвести возврат полученного по недействительной сделке. Возникает и реализуется реституционное правоотношение никак не между договаривающимися сторонами в рамках диспозитивного регулирования и автономии воли - в силу исчерпывающей регламентации законом реституционное правоотношение не находится под действием договорных условий и ограничений. Реституционное правоотношение существует в силу нормы закона, и ее применением исчерпываются содержание и смысл существования реституционного правоотношения. В основу реституции заложена публично-правовая санкция, охраняющая общее состояние законности в правопорядке, а не конкретные субъективные права участников недействительной сделки. Применение реституции как публично-правовой санкции принудительно парализует весь экономико-правовой эффект недействительной сделки в части исполненного или ожидаемого исполнения, что означает общую юридическую ничтожность воли и волеизъявления участников недействительной сделки. Буквальное толкование содержания нормы ст. 167 ПС РФ говорит о том, что законом могут быть установлены иные последствия недействительности сделки, отличные или дополнительные от применения двусторонней реституции. Однако в этом случае следует вести речь именно о специальных последствиях недействительности сделки, но не о разновидности или типе реституционных правоотношений^{^^}.

^{^^} Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. - 2015. - № 19. - С. 32 - 39.

Совсем иной подход к реституционным отношениям у Д.О Тузова, высказанный очень подробно выше.

Таким образом, реституционное правоотношение следует включать в число относительных правовых связей, поскольку для реституционного правоотношения (в отличие от абсолютного) характерен ограниченный (определенный) круг обязанных лиц. Основной целью реституционного обязательства является обеспечение защиты (восстановления) того положения сторон недействительной сделки, которое было до ее исполнения. Достижение данной цели возможно только путем действий, поэтому реституционная охранительная связь относится к правоотношениям активного типа. Самостоятельность этой связи обусловлена наличием в ее составе новых субъективных прав и обязанностей, которые не существовали до нарушения в таком качестве. Рассматриваемое правоотношение также носит ретроспективный характер^{^^}.

С учетом изложенных признаков можно заключить, что реституционное охранительное правоотношение (реституционное обязательство) - это возникающая между сторонами исполненной недействительной сделки правовая связь, содержанием которой является охранительное право на реституцию и охранительная обязанность по восстановлению имущественного положения стороны в сделке путем возврата полученного по сделке или возмещения его стоимости.

2.2 Иные специальные правовые последствия недействительности сделок

При недействительности некоторых сделок не всегда возможно применить общие правовые последствия в виде двусторонней реституции. Именно на этот случай законодательно предусмотрено применение иных

^{^^} Шаина М.А. Реституционное обязательство в гражданском праве России: понятие, основания возникновения, содержание//Российский юридический журнал. -2016. -№ 6. - С. 104 - 109.

специальных правовых последствий при недействительности сделок, в том числе односторонней реституции, неприменение реституции и иных средств.

По мнению Надежды Вениаминовны Рабинович, основание для применения односторонней реституции заключается в том, что «недействительность сделки обуславливается неправомерными, виновными действиями одной из сторон, в то время как другая сторона оказалась потерпевшей от противозаконных действий своего контрагента»^{^^}.

Профессор Олимпиад Соломонович Иоффе указывал: «При односторонней реституции другая сторона подвергается карательной санкцией»^{^^}.

Так, в отличие от двусторонней реституции применение односторонней реституции или недопущение реституции является формой гражданско-правовой ответственности. Односторонняя реституция имеет место, когда в результате лишения сделки юридической силы с момента совершения в прежнее положение возвращается только одна сторона - потерпевший .

Односторонняя реституция также применяется в качестве правового последствия при недействительности сделок, по которым предоставление производит лишь одна сторона^{^*}, - заем, ссуда, дарение и др. Такие сделки, хотя и предполагающие (при их действительности) взаимность предоставлений, но исполненные полностью или частично только одной стороной.

Также применение односторонней реституции возможно в делах о банкротстве. Например, пока сделка, совершенная с превышением контрольного норматива без согласия собрания кредиторов, не оспорена, она является действительной и подлежит исполнению. Представляется, что если

^{^^} Рабинович И.В. Недействительность сделок и ее последствия. - Л., 1960. - С. 150.

^{^*} Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. - СПб., 2000. - С. 300.

^{^^} Савостьянова О.Н. Двусторонняя реституция при недействительности договора купли-продажи, совершенного гражданином, находившимся в момент его заключения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (пункт 1 статьи 177 ГК РФ) // Юрист. - 2017. - № 22. - С. 14-17.

^{^^} Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25.07.2006 по делу № А31-1827/2005-21 // СПС «КонсультантПлюс».

признается недействительной сделка, исполненная полностью или в части, должны быть применены последствия, аналогичные тем, которые предусмотрены в п. п. 1 и 2 ст. 61.6 Закона^{^^} - двусторонняя реституция не допускается, действует принцип односторонней реституции: имущество, переданное по сделке должником, подлежит возврату в конкурсную массу должника, а имущество, переданное контрагентом, не возвращается ему; его требование к должнику погашается за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, включенных в реестр требований кредиторов. Такое последствие является санкцией, применяемой к контрагенту, который заведомо знал или не мог не знать о том, что он вступает в сделку, совершаемую внешним управляющим должника с нарушением требований, установленных Законом^{^^}.

Однако в настоящее время, наблюдается тенденция, в соответствии с которой, односторонняя реституция практически исчезает из гражданского законодательства, и все больше используются иные конструкции, применяемые к правовым последствиям по недействительным сделкам.

В некоторых случаях, несмотря на реальную взаимность предоставлений, реституция в отношении одной из сторон сделки может быть исключена в принципе. Например, если сделка умышленно совершена с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, полученное по ней может быть взыскано в доход Российской Федерации (ст. 169 ГК РФ). В частности, такие последствия суд может применить к незаконной продаже наркотических средств^{^^}.

При этом, если речь идет о получении конкретных вещей, неприменение реституции означает, что последние остаются, хотя и без правового основания (сделка недействительна), в имуществе получателя и

[^] о несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 Хз 127-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Российская газета. - №209-210.- 02Л 1.2002.

^{^^}Баринов А.М., Бушев А.Ю., Городов О.А. и др. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект,-2017.-С. 457.

^{^^} См. например, Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 09.02.2016 по делу № 33-690/2016 // СПС «КобисультантПлюс».

могут быть приобретены им при наличии необходимых условий в собственность в порядке приобретательной давности (ст. 234 ГК РФ).

Основанием неприменения реституции является противоречие последней основам правопорядка или нравственности. Примером, который обычно приводится для иллюстрации этого основания, является социальное назначение переданного по недействительной сделке имущества, которое уже используется полз[^]ившей стороной в социальных целях (оборудование в больницах, школах и пр.) и возврат которого предоставившей его стороне был бы социально вреден. В данном случае речь может идти, видимо, о противоречии потенциальной реституции нравственности. Еще до введения в ГК РФ, случаи неприменения реституции, по сути, уже были известны судебной практике: в качестве оснований такого неприменения суды отмечали, например, принадлежность спорного земельного участка на праве общей долевой собственности собственникам квартир многоквартирного жилого дома^{^^}, а также то, что реституция вызовет неминуемое «банкротство акционерного общества, значимого для экономики региона, что существенно нарушает права и охраняемые законом интересы акционеров и кредиторов общества, других лиц и противоречит общественным интересам»^{^^}. При этом неприменение реституции и удержание соответствующего имущества не должно приводить к обогащению получателя: если он со своей стороны не исполнил сделку, он должен возместить стоимость полученного в порядке компенсационной реституции, а если исполнил, то встречные реституционные требования зачитываются судом.

Другой пример основания неприменения реституции по мотивам нравственности - это классическая сфера действия *soluti retentio* в западных правопорядках, которая в отечественном праве может рассматриваться

^{^*} См. например: Постановление Президиума ВАС РФ от 25 сентября 2012 г. № 5944/12 // Вестник ВАС РФ, -2013, -№ 1.

^{^^} Постановление Президиума ВАС РФ от 19 октября 2004 г. №. 5905/04 // Вестник ВАС РФ, - 2005, - № 2.

сквозь призму отказа в защите права вследствие злоупотребления им (п. 2 ст. 10ГКРФ)⁹⁶.

Таким образом, можно сделать обобщающий вывод, что одним из оснований применения иных специальных правовых последствий при недействительности сделок, может выступать добросовестность сторон.

Внедрение в гражданское законодательство принципа добросовестности сторон обуславливает особый интерес к исследованию соответствующей проблемы.

Согласно п. 70 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сделанное в любой форме заявление о недействительности (ничтожности, оспоримости) сделки и о применении последствий недействительности сделки (требование, предъявленное в суд, возражение ответчика против иска и т.п.) не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ)^{^^}.

Анализ данного пункта Постановления позволяет заключить следующее.

Во-первых, норма п. 5 ст. 166 ГК РФ распространяется не только на оспоримые, но и на ничтожные сделки и, таким образом, направлена на оздоровление (конвалидацию) недействительных сделок.

Во-вторых, заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если было подано недобросовестной стороной. Таким образом, заявление стороны, действующей добросовестно, имеет правовое значение, и по ее требованию при наличии установленных в законе оснований сделку

⁹⁶ Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. - 2011.- С.40-41.

^{^^} Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция.-2017. -№ И. -С. 9- 12.

можно признать недействительной или применить последствия недействительности ничтожной сделки .

В-третьих, недобросовестное поведение стороны может выражаться в таком поведении после заключения сделки, которое давало основание другим лицам и контрагенту полагаться на действительность данной сделки.

Правило «эстоппель» (англ. estoppel, от англ. estop - лишать права возражения) предполагает утрату лицом права ссылаться на какие-либо обстоятельства (заявлять возражения) в рамках гражданско-правового спора, если данные возражения существенно противоречат его предшествующему поведению. Основным критерием его применения является непоследовательное, непредсказуемое поведение участника гражданского правоотношения. Термин «эстоппель» в гражданском законодательстве РФ не закреплен, однако его содержание раскрыто в отдельных положениях ГК РФ, разъяснениях Верховного Суда РФ, судебной практике^{^^}.

Согласно ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 3). Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4).

Известным примером применения отечественной судебной практикой эстоппеля является п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 25 января 2013 г. № 13 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»^{^^^}, согласно которому судам следует иметь в виду, что положения ст. 608 ГК РФ не означают, что в ходе рассмотрения споров, связанных с нарушением арендатором своих

^{^^} См. подробнее: Алексеев А.Н., Краснов Д.Д. Соотношение ничтожных и оспоримых сделок по российскому гражданскому праву. Часть вторая // Российский судья. - 2016.- № 5. - С. 13 - 17.

^{^^} Шайхутдинов Е.М. Эстоппель // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, - 2018.

^{^^^} Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2012. - № 1.

обязательств по договору аренды, арендодатель обязан доказать наличие у него права собственности на имущество, переданное в аренду.

Доводы арендатора, пользовавшегося соответствующим имуществом и не оплатившего пользование объектом аренды, о том, что право собственности на арендованное имущество принадлежит не арендодателю, а иным лицам и поэтому договор аренды является недействительной сделкой, не принимаются судом во внимание. Таким образом, недобросовестный арендатор, пользовавшийся имуществом и не желающий платить арендную плату, не может требовать признания договора аренды недействительным по причине заключения его с неуправомоченным арендодателем^{1*}

В то же время и п. 5 ст. 166 ГК РФ, и п. 70 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 предусматривают, что недобросовестное поведение стороны лишь, в частности, может выражаться в поведении после заключения сделки, которое давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки. Таким образом, законодатель полагает, что недобросовестное поведение стороны, заключившей сделку, может выражаться и иным образом. Возможно, следует учитывать поведение стороны до и во время заключения сделки. Если сторона своим поведением до и во время заключения сделки давала основания полагаться на то, что считает ее действительной, то, следовательно, после ее заключения она не может менять своего отношения к данной сделке.

В-четвертых, представляется, что п. 5 ст. 166 ГК РФ может применяться только в целях защиты добросовестной стороны. Поэтому, если выясняется, что обе стороны сделки действовали недобросовестно, подобную сделку следует признать недействительной по иску обратившейся стороны.

В качестве вывода следует отметить, что применение положений п. 5 ст. 166 ГК РФ вполне вписывается в конструкцию оздоровления

^{1*} Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. -2017. -№ 11.-С. 9- 12.

(конвалідации) сделок и находится в соответствии с п. п. 3, 4 ст. 1 ГК РФ о добросовестности осуществления лицами своих гражданских прав и обязанностей и недопущении извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения. Норма п. 5 ст. 166 ГК РФ направлена на защиту права добросовестной стороны сделки от недобросовестных действий другой и отражает влияние принципа добросовестности на оздоровление порочной сделки. По мнению А.В. Шухаревой, использование здесь недостаточно разработанной и противоречивой конструкции эстоппеля не будет способствовать эффективному применению положений п. 5 ст. 166 ГК РФ¹⁰²

В частности, согласно подп. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли. Данное правило перекликается в известной степени с рассмотренным выше правилом п. 5 ст. 166 ГК РФ. Однако норма подп. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ применяется только к оспоримым сделкам. Представляется, что в этом случае сторона своим поведением дает другой стороне понять о ее намерении считать заключенную сделку действительной, несмотря на имеющиеся основания для признания ее недействительной. Условием применения данного правила является осведомленность стороны при проявлении воли на сохранение силы сделки о тех пороках, которые в ней присутствуют. Если сторона не знала или не должна была знать об основаниях для признания сделки недействительной, то у нее сохраняется право оспаривать такую сделку^{^^}.

В отношении категории добросовестности при совершении сделок следует сказать, что добросовестное поведение имеет место не только при нарушении, но и при соблюдении общих правил и запретов в гражданском праве, однако особое юридическое значение эта категория приобретает, когда

^{^^} Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. - 2017. - № 11. - С. 9 - 12.

¹⁰³ См. подробнее: Андреев В.К. Сделка и ее недействительность // Юрист. - 2014. - № 1. - С. 8 - 12.

лицо действует не в соответствии с законом через широко допускаемые гражданским правом средства индивидуального регулирования.

Таким образом, содержание понятия добросовестности не меняется от того, допущено ли нарушение или нет. Другое дело, что при причинении вреда чужим интересам добросовестность оказывается под сомнением, однако сущность ее остается той же.

Добросовестное лицо имеет основательную уверенность в правильности своих действий, в том числе в случае нарушения им режима общего императивного запрета. Следовательно, добросовестное нарушение режима общего императивного запрета образует особый вид неправомерного поведения, если только добросовестность не устраняет неправомерности^{^"^^}.

Таким образом, законодатель в данном случае применяет критерий осведомленности о значимых для дела обстоятельствах как критерий добросовестного или недобросовестного поведения стороны. Если сторона, знающая о пороке сделки, тем не менее продемонстрировала другой стороне свою волю сохранить заключенную сделку действительной, то в этом случае она своим поведением оздоравливает (конвалидирует) данную сделку. В такой ситуации обращаться с требованием о признании заключенной сделки недействительной будет недобросовестно по отношению к другой стороне.

Следует отметить, что законодательный подход, закрепленный в подл. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, отражает тенденцию расширения оснований оздоровления оспоримых сделок, является одним из способов защиты субъективных гражданских прав по сделкам, создающим правовую неопределенность. Ранее законодательство РФ лишь в ряде случаев предусматривало подтверждение оспоримой сделки. В то же время право США допускает возможность оздоровления практически любой оспоримой сделки (voidable contract). Оспоримый договор - это договор, который может быть как расторгнут, так и одобрен стороной сделки. Сама по себе оспоримая

^{^"} См. подробнее: Груздев В.В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика. 2016.-№ 12.-С. 17-23.

сделка является действительной и порождает соответствующие ей права и обязанности участников сделки. Вместе с тем оспоримые сделки обладают столь серьезным дефектом в своем содержании, оформлении, заключении, субъектном составе и др., который может обусловить возможность предъявления иска о признании таких сделок недействительными. Э. Маккендрик поясняет, что оспоримая сделка действительна до осуществления стороной права ее аннулировать. Естественно, что в таких случаях участники гражданского оборота испытывают сомнения в стабильности возникших отношений^{^^^}

Представляет интерес подход итальянского законодателя к вопросу о конвалидации сделок. Согласно ст. 1444 Гражданского кодекса Италии договор считается подтвержденным, если сторона, которая могла аннулировать договор, добросовестно его исполнит, зная, что есть основания признать его недействительным. Справедливо отметить, российский законодатель пошел дальше в оздоровлении оспоримых сделок. Согласно подп. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ сторона, из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки, не вправе оспаривать сделку по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли^{^^*}. Таким образом, исполнение оспоримой сделки может быть признано выражением воли стороны, направленной на сохранение сделки, но не является единственным проявлением воли, направленной на сохранение сделки. Например, устное или письменное подтверждение действительности сделки в отношениях с третьими лицами также может говорить о проявлении воли стороны, направленной на сохранение силы сделки.

Так, при рассмотрении требования гражданина о признании недействительным кредитного договора могут иметь значение факты: перечисления банком на счет гражданина установленной договором суммы.

^{^^} Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в действиях сторон и проблемы оздоровления (конвалидации) недействительных сделок // Законы России: опыт, анализ, практика.- 2010. - № 8. - С. 74.

^{^^} Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. -2017. -№ П. -С. 9- 12.

использования гражданином по своему усмотрению полученного кредита, неоднократного подписания гражданином дополнительных соглашений о внесении изменений в различные условия договора, частичного исполнения гражданином кредитного договора. Приведенные обстоятельства свидетельствуют о наличии воли обеих сторон договора на исполнение совершенной сделки и достижения соответствующих ей правовых последствий.

В Апелляционном определении Московского областного суда от 16.11.2016 указано, что поскольку дополнительные соглашения исполнялись именно арендатором, то подложность подписей представителя арендатора в дополнительных соглашениях, а также документах о принятии в аренду имущества судом правомерно эстоппелированы (проигнорированы)^{^^}.

Говоря о роли принципа добросовестности в составах отдельных видов недействительных сделок, можно отнести ряд статей в одну группу, а именно ст. ст. 171, 173, 173.1, 174, 174.1, 178 ГК РФ. В каждой из этих статей последствия сделки зависят от того, добросовестно ли действовала сторона при ее заключении. Причем добросовестность в данном случае понимается вполне конкретно: сторона действовала добросовестно, если в момент заключения сделки не знала и не должна была знать об основаниях ее недействительности. Таким образом, в названных статьях законодатель активно использует принцип субъективной добросовестности, четко определяя границы его применения и дифференцируя ответственность добросовестных и недобросовестных сторон. Из этого можно заключить, что принцип субъективной добросовестности, возникший из института добросовестного и недобросовестного владения и виндикации, сегодня выходит за его рамки и успешно применяется в других институтах гражданского права, в т.ч. в институте недействительности сделок .

^{^^} Апелляционное определение Московского областного суда от 16.11.2016 по делу № 33-29251/2016// СПС «КонсультантПлюс».

⁰⁸ Куликов К.А. Роль принципа добросовестности в признании сделки недействительной // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2015. - № 4. - С. 123.

Одним из первых судебных актов, в котором встал вопрос о применении основания недействительности сделки по мотиву недобросовестности стороны, стало Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 мая 2008 г. № 15756/07 по делу № А40-72598/05-19-458^{^^}. В деле, по которому был вынесен данный судебный акт, представитель совершил явно невыгодную для представляемого сделку, о чем другая сторона сделки не могла не знать: он продал имущество представляемого, а потом взял его в аренду, причем арендная плата за несколько месяцев превышала покупную цену. Действовавшая на тот момент редакция ГК РФ не предусматривала такого основания недействительности, как злоупотребление правом со стороны представителя и контрагента по сделке. Существовала только ст. 179 ГК РФ, которая требовала доказать сговор представителя и контрагента по сделке^{^^}.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации признал эту сделку недействительной на основании ст. ст. 10 и 168 ГК РФ как совершенную со злоупотреблением правом^{^^}

Одновременно такой подход вызвал ряд концептуальных возражений, основное из которых - искажение смысла ст. 168 ГК РФ, направленной на признание недействительными сделок, которые нарушают конкретный законодательный запрет и не призваны быть общим корректирующим инструментом справедливости^{^^}.

По этой причине в проекте Концепции совершенствования общих положений ГК РФ было предложено признавать недействительными не

^{^^} Подробно см.: Ширвиндт А.М. Комментарий к Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 мая 2008 г. № 15756/07 // Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2008 год с комментариями / Под ред. А.А. Иванова, М., 2012.

^{^^^} Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2008 год с комментариями / Под ред. А.А. Иванова. М., 2012.

^{^^} Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2008. - № 9.

^{^^} Подробно см.: Ширвиндт А.М. Указ. соч.

соответствующие добросовестности сделки на основании ст. 169 ГК РФ. Данная идея поддержана и в специальной литературе^{^^}.

Статья 169 ГК РФ предусматривает недействительность сделки, противоречащей основам правопорядка и нравственности. Принцип добросовестности закреплен в ст. 1 ГК РФ и входит в основные начала гражданского законодательства, тем самым представляя собой основу правопорядка.

Единственным препятствием к такому толкованию ст. 169 ГК РФ в период возникновения потребности признания недействительными не соответствующих принципу добросовестности сделок была конфискационная санкция этой нормы: в случае совершения сделки с целью, противной основам правопорядка и нравственности, полученное по такой сделке должно быть взыскано в доход государства.

Таким образом, осведомленность стороны об имеющихся ограничениях на совершение сделки, об отсутствии согласия органа или третьего лица на ее совершение, о явном ущербе данной сделки для представляемого или юридического лица, об обмане потерпевшего и т.д. свидетельствует о ее недобросовестном поведении при совершении сделки. Недобросовестное поведение стороны сделки является основанием для удовлетворения судом требования о признании сделки недействительной, как если бы добросовестное незнание стороны об этих обстоятельствах явилось бы причиной оставления оспоримой сделки действительной.

Следует также отметить, что в ст. 179 ГК РФ законодатель предусматривает презумпцию недобросовестности лица. Так, считается, что лицо знает об обмане, если виновное в обмане третье лицо являлось ее представителем или работником или содействовало ей в совершении сделки.

^{^^} См.: Ширвиндт А.М. Указ. соч.; Егоров А.В. Сделки, противные основам правопорядка и нравственности: в России и за рубежом // Сборник статей: международный коммерческий арбитраж, международное частное, сравнительное, фазданское право и процесс / Сост. и науч. ред. А.И. Муранов, В.В. Плеханов.- М., - 2013. - С. 125 -138.

в данном случае лицо признается осведомленным об обмане и действующим недобросовестно, если не докажет обратное.

Подводя итог, можно отметить, роль института добросовестности в процедуре признания сделки недействительной очень значительна. С одной стороны, заявление недобросовестной стороны о недействительности сделки не имеет правового значения. А значит, установление недобросовестности в действиях стороны сделки является средством оздоровления такой сделки, даже если есть законные основания для ее недействительности. С другой - недобросовестное поведение само по себе становится основанием для признания сделки недействительной и применения соответствующих последствий, таких как односторонняя реституция, недопущение реституции и др.

2.3 Общие последствия недействительности сделки

Наряду с двусторонней реституцией как общим последствием недействительности в специально предусмотренных законом случаях возникают правоотношения по возмещению понесенного реального ущерба или вообще убытков, например, абз. 3 п. 1 статьи 171, абз. 2, 3 п.6 ст. 178, п.4 ст. 179ГКРФ.

А теперь все по порядку, абз. 3 п. 1 статьи 171 ПС РФ предусматривает факультативное последствие - дееспособная сторона обязана возместить другой стороне понесенный ею реальный ущерб. Указанная «ответственность за недействительность» дееспособной стороны является традиционным законодательным решением в отношении рассматриваемого состава. Такая ответственность может применяться к дееспособному контрагенту лишь при его недобросовестности, т.е. в ситуации, когда он знал или должен был знать о недееспособности другой стороны. Подобное ограничение ответственности только случаями недобросовестности вполне оправдано и не вызывает возражений. Субъективным условием такой

ответственности является лишь вина в форме умысла («знал») или грубой неосторожности («должен был знать»). Как представляется, простая неосмотрительность («мог знать») вызывать рассматриваемую ответственность дееспособного не будет^{***}.

При этом добросовестность дееспособного контрагента презюмируется^{^^}. Лицо, претендующее на возмещение убытков, обязано доказать недобросовестность контрагента. «Ответственность» дееспособного контрагента в случае его недобросовестности ограничивается реальным ущербом. Такое ограничение традиционно для соответствующего состава недействительности.

Взыскание зшущенной выгоды в данном случае логически невозможно, так как сделка ничтожна и не может порождать у недееспособного лица каких-либо ожиданий. Взыскание компенсации за упущенный шанс совершить сделку с третьим лицом (в рамках модели защиты негативного интереса) теоретически может обсуждаться, но в практическом плане вряд ли актуально с учетом того, что недееспособный гражданин в обороте самостоятельно не участвует.

Следующая норма Гражданского кодекса Российской Федерации, регламентирующая возмещение убытков - это пункт 6 статьи 178 - сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне причиненный ей вследствие этого реальный ущерб, за исключением случаев, когда другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в том числе если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств. Сторона, по иску которой сделка признана недействительной, вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков, если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона.

^{***} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: Статут, 2018. — С.565.

^{^^} См. пЛ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета.-№ 140.-2015.

Если заблуждение было нераспознаваемым и контрагент виновно не способствовал возникновению заблуждения, но оспаривание, несмотря на это, возможно, заблуждавшаяся и эффективно аннулировавшая сделку сторона должна возместить контрагенту реальный ущерб, возникший вследствие недействительности сделки (например, расходы на исполнение сделки). Логически это правило может быть обосновано следующим образом. Если заблуждение не было ни распознаваемым, ни виновно спровоцированным контрагентом, контрагент действует добросовестно. Если не предоставить ему компенсацию убытков, получится, что доверие факту совершения сделки окажется подорванным. Заблуждавшаяся же сторона окажется только в выигрыше - бесплатно избавится от невыгодной сделки. Поэтому компенсация реального ущерба при безупречном поведении контрагента - своеобразная плата за выход из сделки заблуждавшейся стороны. Зная об этом, она может решить для себя, что для нее выгоднее: избавиться от сделки с компенсацией другой стороне реального ущерба или отказаться от оспаривания сделки, сэкономив на компенсации^{^^}.

Если сопоставить данную норму с общими ограничителями на применение ст. 178 ГК РФ, то выходит, что механизм возмещения ущерба применим в случае либо невиновного введения в заблуждение, либо обоюдной ошибки (если оспаривание в такой ситуации при безупречности поведения контрагента в целом будет допущено).

В целом надо заметить, что возложение обязанности возмещения ущерба на сторону, которая оспаривает сделку, совершенную в результате заблуждения, невиновно спровоцированного контрагентом, может показаться не вполне логичным. Даже если контрагент ввел оспаривающую договор сторону в заблуждение невиновно, есть сомнения в том, что при аннулировании договора ему должна причитаться какая-то компенсация. Данный вопрос требует дополнительного изучения. Также следует обратить

^{^^} Байбак В.В., Карапетов А.Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 9. - С. 70 - 102.

внимание, что в рассматриваемой ситуации убытки контрагента компенсируются в ограниченном размере - только реальный ущерб¹. Речь идет о расходах, понесенных контрагентом на переговоры, заключение договора, на подготовку к его исполнению и само исполнение, а также о расходах, которые возникли у контрагента в связи с аннуляцией контракта (например, убытки, которые были взысканы с контрагента его кредиторами в связи с отпадением данной сделки). Решение законодателя ограничить компенсацию только реальным ущербом в целом вполне объяснимо, поскольку законодатель преследует цель поставить контрагента в такое положение, в котором он находился бы, если бы сделка вообще не заключалась. Предоставление контрагенту возможности получить еще и доход, ожидавшийся от недействительной сделки, входит в противоречие с самой концепцией недействительной сделки, которая не должна порождать те последствия, к достижению которых стремились стороны (п. 1 ст. 167 ГК РФ).

В то же время, возможно, данную норму следует толковать расширительно и обязывать эффективно оспорившую сделку сторону не только возместить добросовестному контрагенту его расходы, но и утраченный шанс заключить альтернативный договор с третьим лицом. По сути, речь может идти о возмещении негативного интереса: компенсация должна поставить контрагента в такое положение, в котором он находился бы, если бы договор вовсе не был заключен. Впрочем, этот вопрос может являться достаточно дискуссионным и в полной мере в российском праве и судебной практике (в связи с крайней скудностью практики признания сделок недействительными по ст. 178 ГК РФ) не разрешен².

Как уже отмечалось, важнейший фактор, который влияет на применение специальных последствий недействительности сделки,

¹ Байбак В.В., Карапетов А.Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 9. - С. 70 - 102.

² Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. — М.: Статут, - 2018. — С.735.

совершенной под влиянием заблуждения, - виновность контрагента в возникновении заблуждения. Если заблуждение возникло по обстоятельствам, за которые отвечает контрагент заблуждавшейся стороны, на него возлагается бремя убытков, возникших у заблуждавшейся стороны"[^].

На возможность взыскания убытков в ситуации, когда контрагент сам ввел в заблуждение партнера или недобросовестно воспользовался его распознаваемой ошибкой, указывают и международные акты унификации права (ст. 11.-7:214 Модельных правил европейского частного права, ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА)^{'^^}. Если заблуждение возникло в силу обстоятельств, за которые контрагент не отвечает, его ответственность не возникает. «Отвечает» означает форму вины в виде неосторожности, так как в случае доказанного умысла речь должна идти о взыскании убытков в связи с обманом по правилам п. 4 ст. 179 ГК РФ. Соответственно, не возмещаются убытки в тех случаях, когда контрагент спровоцировал заблуждение невиновно (т.е. ни умышленно в форме обмана, ни неосторожно). Если же заблуждение возникло по вине (в форме неосторожности) одной из сторон, с этой стороны могут быть взысканы убытки.

Если контрагент предоставил при ведении переговоров недостоверную информацию, но сам не знал о ее недостоверности и не мог знать об этом, имеет место невиновное введение в заблуждение. В такой ситуации оспаривание все равно оказывается возможным, но ответственности по п. 6 ст. 178 ГК РФ здесь не будет. Если же разумное лицо на месте предоставившего информацию контрагента должно было выявить недостоверность информации, имеет место неосторожность, а значит, имеются основания и для взыскания убытков.

Представим также, что покупатель и продавец предмета антиквариата совместным решением заказывают услуги известного эксперта, и тот дает

^{^^} Байбак В.в., Карапетов А.Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. С. 70 - 102.

^{^o} См. там же. С. 86.

ошибочное заключение о происхождении предмета. Руководствуясь ошибочным отчетом эксперта, покупатель и продавец совершают сделку, находясь в состоянии обоюдной ошибки. В такой ситуации в случае выявления ошибки после заключения договора его оспаривание либо покупателем, либо продавцом теоретически возможно. Допустим, сделку оспорил покупатель. В этом случае, поскольку продавец не способствовал виновно возникшей ошибке, можно признать, что заблуждение покупателя возникло по обстоятельствам, за которые продавец не отвечает. Соответственно, оспаривание сделки не может сопровождаться ответственностью продавца. Впрочем, ситуация может решаться по-иному, если эксперта выбрал и привлекал продавец, заверивший покупателя в его высокой квалификации, а покупатель положился на его суждение. Даже если прямой сговор продавца с экспертом не доказан, возможно обсуждение ответственности продавца за выбор ненадлежащего эксперта, как минимум если выбор кандидатуры эксперта может быть признан неосторожным (например, продавец выбрал эксперта, чья компетентность должна была вызывать у него сомнения). Можно в такой ситуации увидеть соблюдение гипотезы анализируемой нормы, которая говорит об ответственности стороны, если заблуждение партнера произошло по зависящим от этой стороны обстоятельствам: выбор эксперта - это обстоятельство, которое в приведенной ситуации зависит от ответчика по иску об убытках. В то же время какой-либо ясной судебной практики по данному вопросу нет, и вопрос может вызывать споры. Также если в описанном выше примере с продажей антиквариата выяснится, что эксперт ошибся по причине неосторожного предоставления продавцом неполной информации об истории предмета, имеются признаки зависимости заблуждения от поведения продавца. В такой ситуации продавец будет обязан возместить покупателю возникшие у того убытки.

При этом следует подчеркнуть, что заблуждение считается возникшим по обстоятельствам, зависящим от контрагента, не только тогда, когда

контрагент неосторожно ввел сторону в заблуждение прямыми заявлениями или иным образом (например, без умысла на обман исполнил свою обязанность по раскрытию информации на преддоговорном этапе не в полной мере), но и в тех случаях, когда контрагент должен был распознать заблуждение, но совершил сделку, не предупредив партнера о заблуждении, несмотря на то, что воздержание от эксплуатации ошибки партнера в данной ситуации однозначно следует из принципов добросовестности и честной деловой практики^{^^Ч}

Об этом, по сути, говорят и международные акты зшификации (п. 1 ст. 11.-7:214 Модельных правил европейского частного права). Стоит только уточнить: если достоверно установлено, что контрагент знал о заблуждении, но вопреки принципу добросовестности намеренно не предупредил партнера и воспользовался его ошибкой, следует говорить не о введении в заблуждение и взыскании убытков по правилам п. 6 ст. 178 ГК РФ, а об обмане посредством умолчания и взыскании убытков на основании п. 4 ст. 179ГКРФ^{^22}

Обращаясь к пзшкту 4 статьи 179 Гражданского кодекса Российской Федерации - если сделка признана недействительной по одному из оснований, указанных в пунктах 1-3 статьи 179, применяются последствия недействительности сделки, установленные статьей 167 ГК РФ. Кроме того, убытки, причиненные потерпевшему, возмещаются ему другой стороной. Риск случайной гибели предмета сделки несет другая сторона сделки.

Закон здесь говорит о возможности взыскания в пользу потерпевшего убытков. Взыскание убытков в такой ситуации может рассматриваться как частное проявление доктрины преддоговорной ответственности, т.е. ответственности за недобросовестное ведение переговоров. Общие правила о

^{^^} Байбак В.В., Карапетов А.Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 9. - С. 70 - 102.

^{^^} Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / А.В. Алтухов, О.А. Беляева, Н.А. Бортиикова и др.; отв. ред. В.Ф. Лковлев. М.; ИЗиСП, ИНФРА-М, 2017. Вып. 22.212 с.

такой ответственности предусмотрены с 1 июня 2015 г. в ст. 434.1 ГК РФ¹ а здесь мы имеем частный случай применения такой ответственности, причем случай, который был закреплен в ГК РФ задолго до появления общих правил о преддоговорной ответственности. Такая ответственность возникает в случае признания сделки недействительной, поэтому отнести ее к категории договорной чисто логически крайне сложно. Вполне предсказуемо, что Верховный Суд Российской Федерации отнес преддоговорную ответственность к категории деликтной². В п. 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 прямо указано на то, что возмещение убытков по правилам п. 4 ст. 179 ГК РФ является частным случаем деликтной ответственности .

Соответственно, на основе специальной нормы п. 4 ст. 179 ГК РФ убытки взыскиваются, если сделка признана недействительной по основаниям, указанным в ст. 179 ГК РФ. Если же сделка так и не была совершена, но применение угроз, насилия или обмана на стадии переговоров имело место, убытки взыскиваются на основании правил преддоговорной ответственности, закрепленных в ст. 434.1 ГК РФ, и общих правил о деликте из гл. 59 ГК РФ²

Убытки взыскиваются с другой стороны сделки. Если эта сторона сама или через своих контролируемых лиц применяла насилие или угрозы, совершила активный или пассивный обман, такая ответственность вполне оправданна. Но что если насилие или угрозы применяло третье лицо? В такой ситуации право должно допускать возможность предъявления иска об убытках непосредственно к третьему лицу на основании общих правил о

¹ о внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Российская газета, № 52. - 2015

²* См. пункт 19, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Российская газета, № 70, 04.04.2016

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации»//Вестник ВАС РФ, № 2, февраль, 2014.

² См. пункт 21, Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Российская газета, № 70. - 2016

деликте (гл. 59 ГК РФ). Это, конечно, не исключает возможность заявить иск не к «агрессору», а к своему контрагенту, который точно знал или не мог не знать о таких пороках сделки, но из корысти пошел на ее совершение. Представляется, что возможен и солидарный иск к такому контрагенту и третьему лицу. Видимо, в ряде случаев возможен такой иск к третьему лицу и в случае обмана. Впрочем, критерии его удовлетворения требуют проработки в рамках теории деликтного права^{^^}.

Представляется куда более спорным то, что п. 4 ст. 179 ГК РФ обязывает «корыстного спасателя», совершившего кабальную сделку с потерпевшим, компенсировать ему все убытки. Такая санкция вполне оправданна в отношении случаев обмана, насилия, угрозы, но кажется не вполне соразмерной ситуации, когда некто, никак не отвечая за стечение тяжелых обстоятельств у партнера, помог ему «выкрутиться» из тяжелого положения, заключив с ним договор, пусть и по явно нерыночной цене. Если право желает пресечь случаи заключения кабальных сделок, вполне достаточно механизма аннулирования сделки. Возложение же в дополнение к аннулированию сделки еще и бремени возмещения убытков на лицо, чья единственная вина состояла в том, что оно повело себя корыстно и попыталось извлечь некий сверхдоход, воспользовавшись удачным[!] стечением обстоятельств вместо того, чтобы воздержаться от помощи попавшему в тяжелое положение лицу и оставить его один на один со своей бедой, вряд ли может быть оправданно. Впрочем, надо признать, что вопрос достаточно дискуссионный с политико-правовой точки зрения. Международные акты унификации допускают взыскание убытков и в случае кабальности (ст. 11.-7:214 Модельных правил европейского частного права, ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА)²⁸

Так как договор признан недействительным, потерпевшая сторона не может рассчитывать на защиту при помощи взыскания убытков своего

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: Статут, 2018. - С.819.

^{^^}См. там же С. 835.

позитивного интереса. Иначе говоря, эта сторона не может рассчитать убытки таким образом, чтобы их взыскание поставило эту сторону в материальное положение, в котором она находилась бы, будь договор действителен и исполнен надлежащим образом. Положение п. 2 ст. 393 ГК РФ, которое устанавливает такую формулу расчета убытков на случай нарушения обязательства, здесь неприменимо.

Согласно традиционному подходу в рамках преддоговорной ответственности, в том числе в случае оспаривания сделки по причине, за которую отвечает одна из сторон, с этой стороны в пользу контрагента подлежат взысканию лишь те убытки, которые защищают так называемый негативный интерес. Применение такого стандарта расчета убытков при оспаривании сделки по основаниям, аналогичным тем, которые указаны в ст. 179 ГК РФ, предписано п. 2 ст. 11.-7:214 Модельных правил европейского частного права и ст. 3.2.16 Принципов УНИДРУА. В российском праве использование такого стандарта расчета убытков в рамках общего режима преддоговорной ответственности установлено в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7^{^^}. Иначе говоря, в пользу потерпевшего взыскивается такая сумма, чтобы в результате возмещения убытков потерпевший был поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом и не заключал с ним сделку.

Например, ему могут быть возмещены расходы, понесенные в связи с ведением переговоров, расходы, понесенные в связи с исполнением договора или подготовкой к такому исполнению, и т.п. Взысканию подлежат также расходы, которые пострадавшая сторона понесла или неминуемо понесет в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом.

Достаточно спорной является возможность возмещения в рамках модели защиты негативного интереса упущенной выгоды в связи с утратой

^{^^} Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Российская газета, № 70, 04.04.2016

возможности совершить аналогичную сделку с третьим лицом (альтернативную сделку). В п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 при расшифровке формулы убытков, применяемой при привлечении преддоговорной ответственности. Суд указал на то, что среди прочего возмещаются «убытки», возникшие в связи с утратой возможности совершить альтернативную сделку. Тем самым ВС РФ как минимум намекнул на то, что речь может идти и об упущенной выгоде в связи с утратой возможности заключить альтернативный договор с третьим лицом. Однозначно вопрос в судебной практике не прояснен. В целом представляется, что возмещение такой упущенной выгоды в виде компенсации за упущенный шанс в рамках защиты негативного интереса возможно¹.

Только в данном случае речь идет не об упущенной выгоде от нереализации оспоренного договора, а об утраченной возможности извлечь выгоду из заключения альтернативного договора с третьим лицом. Например, если был заключен договор купли-продажи, а впоследствии из-за вскрытия обмана со стороны покупателя продавец эффективно оспорил договор, он вправе потребовать возмещения упущенной выгоды, возникшей из-за того, что цены на данный товар на рынке резко упали, он упустил возможность продать товар по цене, которая была текущей на момент заключения оспоренного договора, и ему после аннулирования договора придется продавать свой товар по более низкой цене.

Впрочем, есть определенные аргументы в пользу того, чтобы в судебной практике был установлен предел возмещения убытков в рамках защиты негативного интереса. Сумма таких убытков не может быть выше размера позитивного интереса по данному договору, если бы договор оказался действительным. Представляется не вполне нормальной ситуация, когда сторона, аннулюющая сделку, получает в денежном выражении

¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: Статут, 2018. - С. 821.

больше, чем если бы договор остался действительным и был бы надлежащим образом исполнен.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, помимо реституции, в качестве негативных последствий недействительности сделок в действующем гражданском законодательстве существует возмещение убытков. Однако убытки - это отдельный предмет доказывания, следует доказать и размер убытков, и то, что убытки причинены именно данной сделкой. Наибольшую сложность вызывает доказывание причинно-следственной связи между убытками пострадавшей стороны фактом признания заключенной сделки недействительной. Убытки состоят из реального ущерба и упущенной выгоды, и каждый из этих элементов подлежит особому доказыванию. Следует отметить, что в ряде норм говорится о возмещении реального ущерба, то есть выгоду взыскивать не всегда возможно.

ГЛАВА 3 СООТНОШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК СО СХОДНЫМИ ТРЕБОВАНИЯМИ

3.1 Соотношение требований о реституции и кондикции

Проблема выбора способа защиты гражданских прав существует очень давно, однако актуальности своей она не теряет и на сегодняшний день. Дело в том, что законодатель не установил применение того или иного способа защиты при нарушении определенного субъективного права, не выстроил иерархию способов защиты, их классификацию по признаку нарушенного права, а ограничился лишь перечислением в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации универсальных способов защиты.

Например, возврат вещи собственнику (иному титульному владельцу) от неуправомоченного лица (беститульного, фактического владельца) возможен не только в результате удовлетворения виндикационного иска, но и как следствие применения правил о реституции (п. 2 ст. 167 ГК РФ) или о неосновательном обогащении (п. 1 ст. 1102 ПС РФ). При этом в силу правил ст. 1103 ГК РФ нормы о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке и об истребовании имущества собственником из чужого незаконного владения. Таким образом, возникает вопрос о соотношении правил о виндикации, реституции и кондикции вещи в пользу ее собственника (титульного владельца)¹

Этот вопрос касается так называемой конкуренции исков более свойственной англо-американскому правопорядку. По классическим представлениям, под конкуренцией исков понимается принадлежность лицу нескольких притязаний, преследующих защиту одного и того же интереса,

¹" Суханов Е.А. Вещное право: назд1НО-познавательный очерк. М.: Статут, -2017.- С. 459.

причем при удовлетворении одного из них остальные погашаются¹⁴⁴. Однако все эти гражданско-правовые способы защиты (иски) имеют различия в основаниях и условиях своего применения, что в действительности исключает для управомоченного лица возможность их произвольного выбора («конкуренцию»).

При этом некоторые исследователи полагают, что «нет прямой конкуренции исков о защите собственности (виндикационного) и о возврате переданного по недействительной сделке из реституции»¹⁴⁵ или, например, что «реституция представляет собой лишь частный случай виндикации»¹⁴⁶

У.В. Серокурова полагает, что сегодня невозможно отрицать или не замечать проблему объективно существующего явления - конкуренции исков. При этом конкуренция не предполагает абсолютной свободы в выборе способов защиты: она ограничена рамками предоставленных законом возможностей¹⁴⁷.

В.В. Ровный утверждает, что «развитие предпринимательских отношений, экономико-правовая реформа, общее «раскрепощение» цивилистической сферы и демократизация ее институтов свидетельствуют о возрождении частного права, среди основных начал которого, полагаем, должен быть закреплён принцип всемерной и разносторонней защиты прав участников гражданско-правовых отношений»¹⁴⁸. Именно этот принцип в п. 1 ст. 1 ГК РФ предопределяет общую концептуальную позицию законодателя.

В.В. Витрянский считает, что граждане и юридические лица по своему усмотрению реализуют принадлежащие им права и выбирают подходящие им способы защиты¹⁴⁹.

¹⁴⁴ Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. С. 87.

¹⁴⁵ Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. М.: Дело, 1999. С. 105.

¹⁴⁶ Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблема соотношения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 3. С. 132.

¹⁴⁷ Серокурова У.В. Судебно-арбитражная защита права собственности на недвижимое имущество: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 164.

¹⁴⁸ Ровный В.В. Конкуренция исков в российском гражданском праве. Теоретические проблемы защиты гражданских прав. Иркутск, 1997. С. 278.

¹⁴⁹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 5 кн. М.: Статут, 2001. С. 654.

Ничтожная сделка правовых последствий не порождает и к возникновению права собственности не приводит. Поэтому если вещь возвращается к собственнику посредством иска о применении последствий недействительности ничтожной сделки, то не важно, имеет ли истец основания для предъявления виндикационного иска^{^^}.

С этим мнением не соглашается К.И. Скловский. Он опровергает тезис о том, что недействительная сделка не порождает никаких правовых последствий, доказывая, что «ничтожная сделка по крайней мере устанавливает правоотношения в связи с реституцией»^{^^^}.

Таким образом, возникает необходимость в более детальном рассмотрении соотношения различных требований, начнем с реституции и кондикции.

Основная проблема реституции, в том числе компенсационной, состоит, в том, что соответствующая обязанность стороны недействительной сделки буквально сформулирована в пункте 2 статьи 167 ГК РФ как безусловная, не зависящая ни от каких обстоятельств, в том числе вины обязанной стороны, а это, если рассматривать реституцию как самостоятельное по своей природе правовое средство, может влечь ее применение вопреки фундаментальным принципам гражданского права (определяющим, например, бремя несения риска случайной гибели или повреждения имущества, основания и условия ответственности)^{^^^}.

Наличие этой обязанности не вызывает сомнений в тех случаях, когда на стороне получателя предоставления или с самого начала, или при последующей невозможности реституции владения возникает имущественная выгода, состоящая либо в неосновательном получении имущества (например, вещь, подлежащая возврату, возмездно отчуждена третьему лицу), либо в его неосновательном сбережении (например, если

^{^^} Хатунцев О.А. Конкуренция способов защиты вещных прав // Власть Закона. 2015. № 3. С. 106-116.

^{^^} Скловский К.И. Собственность в гражданском праве; Учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 1999. С. 107.

^{^^^} Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблема соотношения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 3. С. 133.

полученное благо потреблено самим получателем). В этой части реституционное правоотношение принимает, по существу, форму обязательства из неосновательного обогащения, и объем реституции должен определяться размером обогащения получателя.

Действительно, в рассматриваемой ситуации невозможно обнаружить каких-либо отличий реституционного обязательства от обязательства из неосновательного обогащения. Тем не менее, также и здесь господствующая концепция реституции исходит из самостоятельности последней. На законодательном уровне это выражается в установлении в п. 1 ст. 1103 ГК РФ субсидиарного применения к требованию о возврате исполненного по недействительной сделке положений гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении, а в судебной практике - на стабильном в целом разграничении соответствующих притязаний^{^^}.

Однако также в последнее время обозначается иная, противоположная тенденция в данном вопросе. В тех случаях, когда строгое следование основному подходу приводило бы к явной несправедливости, суды, как будет подробнее иллюстрировано далее, иногда отступают от нее в пользу признания в отношениях между сторонами недействительной сделки обязательства из неосновательного обогащения и, следовательно, возможности истребования полученных одной из сторон этой сделки сумм с помощью соответствующего иска.

Исходной предпосылкой такого решения является тот очевидный факт, что неосновательное получение или сбережение определенной имущественной выгоды вследствие исполнения недействительной сделки вовсе не исключает одновременную квалификацию полученного или сбереженного имущества в качестве неосновательного обогащения. Соответственно, и требование о возврате этого обогащения обладает всем необходимым набором признаков для его квалификации (если не принимать

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - С.457.

во внимание концепцию реституции) как иска из неосновательного обогащения"^{^^}.

Это верно и для тех случаев, когда соответствующее предоставление произведено в качестве оплаты за полученную вещь. Поскольку недействительная сделка не порождает правовых последствий, в частности не может служить основанием для перехода вещного права, отчуждатель по такой сделке продолжает сохранять свое право собственности и может защищать его посредством иска, истребуя свою вещь. Следовательно, получая оплату, собственник неосновательно обогащается за счет приобретателя, который утрачивает часть своего актива, ползшая взамен не право собственности на переданную ему вещь, а лишь беститульное владение ею; при этом неосновательное обогащение возникает у собственника уже в момент получения покупной цены за отчужденное имущество и продолжает сохраняться до тех пор, пока его право собственности не прекратится по некоторым основаниям (например, в силу приобретательной давности или приобретения вещи добросовестным третьим лицом) либо пока он не вернет полученную им сумму"^{^^}.

Однако, в соответствии с преобладающим представлением, на данной стадии потенциально возможное требование из неосновательного обогащения конкурирует с «реституционным», а поскольку в этой конкуренции в силу п. 1 ст. 1103 ГК РФ побеждает последнее, следовало бы признать, что притязание из неосновательного обогащения против обогатившегося невозможно. Это не означает, впрочем, что отсутствует сам факт обогащения за счет приобретателя: просто для его устранения, применяется иное, специальное средство (не будь которого, применялся бы, очевидно, иск из неосновательного обогащения)^{^^*}.

^{^^}См. там же. с. 458.

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. -С.458.

^{^^*} Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М.: Статут, 2007. - С. 164.

Ситуация меняется, когда реституция более неприменима. Одним из таких случаев является невозможность возврата вещи первоначальным приобретателем: исходя из принципа двусторонности реституции, истребовать уплаченное на основании п.2 ст. 167 ГК РФ приобретатель уже не сможет. Тем не менее на стороне отчуждателя при этом может сохраняться обогащение. С точки зрения недавней судебной практики, это особенно очевидно, например, тогда, когда отчуждатель затем истребует свою вещь от третьего лица (хотя представляется, что факт истребования вещи сам по себе не меняет ситуации в рассматриваемом плане: как было показано, неосновательное обогащение имеет место и до такого истребования).

В таких ситуациях обязательство из неосновательного обогащения проявляет себя уже в полную силу, обосновывая активную легитимацию приобретателя по недействительной сделке именно на иск из неосновательного обогащения против другой стороны той же сделки - собственника, вернувшего себе владение вещью от третьего лица (на что собственник, как представляется, всегда имеет право, даже если до этого он добился осуществления в его пользу компенсационной реституции за счет другой стороны недействительной сделки; другое дело, что, сохранив свое право собственности, он, является изначально обогатившимся, а значит, против него возможен иск о неосновательном обогащении)^{^^^}.

На практике иногда возникает ситуация, когда приобретенная по недействительной сделке вещь отчуждается первым приобретателем третьему лицу, и собственник получает возможность как требовать компенсационной реституции от первого приобретателя, так и истребовать вещь в порядке виндикации от третьего лица, если последнее не защищено как добросовестный приобретатель нормой ст. 302 ГК РФ. Не исключено, что

^{^^} Тузов Д.О. Кондиционный иск против неосновательно обогатившегося по ничтожной сделке собственника. Комментарий к Определению Судебной коллегии по фамлианским делам ВС РФ от 17.01.2017 № 85-КГ16-13 //Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. №6. С. 24-30.

собственник может попытаться использовать оба средства защиты одновременно или последовательно, что может привести к его неосновательному обогащению: он получит как денежную компенсацию стоимости вещи от первого приобретателя, так и саму вещь в натуре от конечного приобретателя. Позиция высших судебных инстанций в отношении данной проблемы была выработана применительно к ситуации, когда собственник находится в состоянии банкротства. Согласно Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2017 г. № 308-ЭС15-6280^{^^} и п. 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 виндикационный иск не подлежит удовлетворению, если к моменту его рассмотрения стоимость вещи уже будет полностью возвращена должнику стороной первой сделки^{^^}. В иных слз^аях допускается вынесение двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи с первого приобретателя и о виндикации той же вещи у конечного приобретателя). При наличии таких судебных актов, если один из них будет исполнен, исполнительное производство по второму оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Закона об исполнительном производстве. Если развить мысль, отраженную в этих актах, то и удовлетворение иска о компенсационной реституции невозможно, если ранее собственник вернул вещь в порядке виндикации. Применительно к ситуации банкротства собственника такое решение кажется разумным, так как в ином случае конкурсная масса может прирасти неосновательно, а исправить ситуацию за счет предъявления к собственнику иска о возврате неосновательного обогащения первым приобретателем, возместившим ранее по суду стоимость вещи в порядке компенсационной реституции, будет

^{^^} Определение Верховного Суда РФ от 09.10.2017 № 308-ЭС15-6280 по делу № А32-29459/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

^{'''} Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) О некоторых вопросах, связанных с применением главы ИП.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ, № 3, март, 2011.

после ликвидации собственника в результате банкротства проблематично. Иначе говоря, здесь логично пресекать неосновательное обогащение. Вопрос о том, насколько тот же подход обоснован в ситуации, не связанной с банкротством собственника, пока в судебной практике однозначно не разрешен. Но в целом позиция, исключающая возможность неосновательного обогащения собственника уже на стадии удовлетворения его исков к первому или конечному приобретателям, либо на стадии исполнительного производства, кажется логичной. Впрочем, не вполне ясно последствие получения компенсационной реституции с точки зрения прав собственности на вещь: означает ли получение собственником компенсации, что собственник отказывается от своего права собственности, и последнее переносится на первого приобретателя, а затем автоматически и на конечного приобретателя? Пока данный вопрос не имеет ясного ответа в российской судебной практике. Также не вполне ясно, как следует поступить в ситуации, когда собственник получил лишь часть той денежной компенсации, которую присудил суд в порядке применения п.2 ст. 167 ГК РФ: блокируется ли возможность виндикации в такой ситуации? Логично предположить, что нет. Но что если решение суда о компенсационной реституции было исполнено на 99%, после чего первый приобретатель впал в банкротство? Вопрос пока не имеет ответа^{^^},

В русле этой логики и отмеченной выше тенденции отступления от строгости основного подхода к реституции находится, в частности. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 сентября 2014 г. № 310-ЭС14-79, в котором сделан вывод об обоснованности иска из неосновательного обогащения, заявленного приобретателем имущества по недействительной сделке против отчуждателя о возврате уплаченных по этой сделке денежных средств после того, как последний вернул себе указанное имущество от третьего лица -

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - С.459.

последующего приобретателя (при этом еще ранее судом было отказано в «применении последствий недействительности сделки» ввиду невозможности двусторонней реституции) ^{***} а также вынесенное по очень похожему делу Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 85-КГ16-13, согласно которому «в данном слз^ае покупатель вправе требовать от продавца, добившегося в судебном порядке возврата имущества в его владение, уплаченного им по сделке как неосновательного обогащения в соответствии с пунктом 1 статьи 1103 Гражданского кодекса»^{^^}.

Хотя в последнем случае, как видно из ссылки на п. 1 ст. 1103 ГК РФ, Суд прибег для обоснования принятого решения, казалось бы, всего лишь к субсидиарному применению норм о неосновательном обогащении к отношениям сторон недействительной сделки (что не противоречило бы концепции реституции), все же невозможно не заметить, что такое применение явилось не более чем формальным приемом, так как по существу оно не дополнило, а устранило квалификацию требования в качестве реституционного, которое было бы просто нереализуемым ввиду невозможности двусторонней реституции (т.е. с одновременным возвратом вещи истцом ответчику)^{^^}

Итак, в пользу применимости иска из неосновательного обогащения для возврата уплаченного по недействительной сделке имеются определения уже двух разных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, что позволяет сделать вывод о формировании на уровне высшей судебной инстанции единого подхода к рассматриваемой проблеме. Его суть состоит в следующем: если обязательство по возврату уплаченной суммы в отношениях между сторонами недействительной сделки первоначально

^{•^} Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79, А09-9146/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

^{^^} Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2017 № 85-КГ16-13//СПС «КонсультантПлюс».

^{^^} Тузов Д.О. Кондикционный иск против неосновательно обогатившегося по ничтожной сделке собственника. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.01.2017 № 85'КГ16-13 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 24 - 30.

мыслится как особое реституционное, то впоследствии, когда для возврата этой суммы реституция оказывается неприменимой, устранение сохраняющейся ситуации неосновательного обогащения возможно посредством иска из неосновательного обогащения^{^^}.

На иск из неосновательного обогащения против стороны недействительной сделки может быть управомочено и третье лицо, если обогащение этой стороны сохраняется за счет последнего. Так, в случае перепродажи полученной по недействительной сделке вещи в момент получения приобретателем оплаты от приобретателя по второй сделке отчуждатель (собственник) перестает быть обогатившимся за счет первого приобретателя, поскольку последний восстанавливает свое имущественное положение, получая за отчуждение имущества третьему лицу соответствующую плату (раз[^]ухеется, ситуация усложнится, если цена покупки и цена продажи вещи первым приобретателем не будут совпадать). Повторное отчуждение вещи, тем не менее, само по себе не может повлиять на состояние обогащения ее собственника - первого отчуждателя, поскольку он продолжает оставаться собственником. Однако обогатившимся он будет теперь уже не за счет своего контрагента, а за счет второго приобретателя. Поскольку же реституция между ними как лицами, не являющимися сторонами одной недействительной сделки, по определению невозможна, последнему приобретателю в качестве средства защиты будет доступен иск из неосновательного обогащения. Таким образом, сам по себе переход беститульного владения вещью из рук в руки не меняет состояния обогащения собственника, однако оплата этой вещи влияет на идентификацию активной стороны в обязательстве (кредитора) и, следовательно, на активную легитимацию по иску, а также на квалификацию последнего^{'^^}.

[^]- Гербутов В.С., Новак Д.В. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения // Вестник ВАСРФ. 2014. № 1. с. 60, 6Г

^{^^} Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция ГО] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - С.460.

Иногда несправедливость результата, к которому приводило бы строгое применение реституции, обусловлена несовершенством законодательства об исковой давности. Как известно, согласно специальному правилу п. 1 ст. 181 ГК РФ течение исковой давности по требованиям о «применении последствий недействительности ничтожной сделки» начинается со дня, когда началось исполнение такой сделки. Это правило установлено, вероятно, ввиду законодательного предположения о том, что об основаниях ничтожности сделки ее сторонам известно или во всяком случае должно быть известно уже в момент ее совершения (вопрос об обоснованности данного предположения как универсального мы оставляем в стороне), а потому и о нарушении права они узнают или должны узнавать в момент его реального нарушения, т.е. с началом исполнения сделки.

Тем не менее, данное предположение оправдывается не всегда. Показательно в этом отношении дело, в котором ничтожность сделки была обусловлена тем, что земельный участок был продан субъектом, на самом деле не являвшимся его собственником. Оставляя в стороне спорность квалификации подобной сделки как ничтожной и вообще недействительной, важно отметить, что строгое следование в этом деле господствующей концепции реституции привело к тому, что в иске о возврате уплаченной за участок суммы было отказано в связи с пропуском исковой давности, началом течения которой было признано именно начало исполнения ничтожной сделки, т.е. уплата истцами спорной суммы ответчику (подход апелляционной и кассационной инстанций). Между тем в связи со спорностью принадлежности земельного участка (право на него оспаривали друг у друга два публичных образования) истцы вплоть до вступления в законную силу судебного решения о признании договора купли-продажи ничтожным не только не знали о неуправомоченности продавца на отчуждение и о неосновательности уплаты ему покупной цены, но и не могли и не должны были об этом знать. Именно в связи с этим первоначально принятое по данному делу решение исходило из квалификации требования

истцов как притязания из неосновательного обогащения: при таком подходе начало течения исковой давности должно было определяться не по п. 1 ст. 181 ГК РФ, а согласно общему правилу п. 1 ст. 200 ГК РФ, т.е. со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Учитывая спорность принадлежности права собственности на земельный участок, начало течения исковой давности было обоснованно связано с датой вступления в законную силу судебного решения о признании договора купли-продажи недействительным, поскольку именно с этой даты истцам стало известно об отсутствии между сторонами обязательства, в силу которого была уплачена спорная сумма. В результате иск, в котором, если руководствоваться господствующим подходом, следовало бы отказать за пропуском исковой давности, был удовлетворен судом (решение арбитражного суда первой инстанции). Впрочем, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, пересматривая данное дело, избрала третий, компромиссный вариант квалификации, применив нормы об ответственности за эвикцию, что в рассматриваемом контексте не представляет для нас интереса. Данное дело показывает, как основанный на господствующей концепции реституции буквальный подход к толкованию правовых норм, вступив в противоречие с фундаментальным принципом недопустимости обогащения одного лица за счет другого без достаточных на то правовых оснований, а также, по существу, с правом потерпевшего на защиту своего нарушенного права, привел к явной несправедливости, и как одна из попыток преодолеть эту несправедливость основывалась на квалификации правоотношения сторон недействительной сделкой[^] как обязательства из неосновательного обогащения, а не реституционного^{'^}*

Кондикционный иск по своей родовой принадлежности является иском недоговорным, но, несмотря на это, ситуации применения такого иска

^{^^^} Тузов Д.О. Кондикционный иск против неосновательно обогатившегося по ничтожной сделке собственника. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.01.2017 № 85-КГ16-13 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 24 - 30.

сторонами договорного правоотношения вполне возможны. Кондикционный иск в таких случаях предъявляется как требование о возврате исполненного в связи с обязательством. Например, иск о возврате суммы повторной оплаты товара^{^^}.

В свою очередь, установленная законодателем в ст. 1103 ГК РФ субсидиарность применения кондикции и является тем универсальным критерием, который позволяет отграничить ее от иных гражданско-правовых способов защиты. Условия для применения кондикционного иска, основанного на ст. 1102 ГК РФ, возникают в тех случаях, когда необоснованное увеличение имущества одного лица за счет другого не может быть устранено с помощью иных охранительных мер специального характера. При этом недоступность специального способа защиты должна быть вызвана объективными причинами, а не ввиду законодательных ограничений.

В то же время кондикционные обязательства имеют самостоятельную правовую природу, проявляющуюся в том, что потерпевший вместе с владением теряет и право на имущество, переходящее к приобретателю, что отличает основание применения кондикции от основания виндикации. Для возврата неосновательно переданного имущества потерпевший должен доказать свое право на него, что отличает кондикцию от реституции. Отношения потерпевшего и приобретателя по поводу спорного имущества для их квалификации в качестве кондикционных не должны охватываться содержанием регулятивного обязательства, защищаемого договорным иском^{^^}.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что реституция является самостоятельным правовым средством, и, исходя из содержания ст. 1103 ГК РФ, правила о неосновательном обогащении могут применяться к отношениям по возврату исполненного по недействительной

^{^^} Бевзенко Р.С, Правоотношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Изд-во Юрайт, 2009.С. 850.

^{^^} Кархалев Д.Н. Кондикция в гражданском праве // Гражданское право. 2015. № 6. С. 33 - 36.

сделке субсидиарно, в частности для истребования доходов, извлеченных из неосновательно полученного имущества.

3.2 Соотношение требований о реституции и виндикации

Преобладающее большинство ученых и судебная практика стоят на позиции строгого ограничения исков «о применении последствий недействительности сделок», а именно о реституции, от виндикационных требований: считается, что нельзя вернуть имущество, переданное истцом по недействительной сделке ответчику, из незаконного владения последнего по нормам ГК РФ о виндикации (ст. 301). Как неоднократно указывал Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в таком случае возврат имущества может быть осуществлен лишь в порядке применения последствий недействительности сделки, т.е. на основании п.2 ст. 167 ГК РФ, а не путем виндикации^{^^}.

Общее разъяснение на этот счет содержится в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22: «Спор о возврате имущества, вытекающий из ...отношений, связанных с применением последствий недействительности сделки, подлежит разрешению в соответствии с законодательством, регулирующим данные отношения»; и лишь «в случаях, когда между лицами отсутствуют договорные отношения или отношения, связанные с последствиями недействительности сделки, спор о возврате имущества собственнику

^{^^} см., например: Определение КГД ВС РФ от 14 апреля 2015 г. № 33- КГ15-5; Постановления Президиума ВАС РФ, от 29 мая 2012 г. № 17530/11, от 1 сентября 2012 г. №3116/12, от 5 февраля 2013 г. № 11906/12, от 8 октября 2013 г. № 5257/13; п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126

/

подлежит разрешению по правилам статей 301, 302 ГК РФ», т.е. норм о виндикации^{^^}.

Впрочем, учитывая сходство двух притязаний, высшая судебная инстанция иногда указывает на неправомерность отказа суда в удовлетворении виндикационного иска по приведенному мотиву и на его обязанность в этом случае просто переквалифицировать требования истца на реституционные и удовлетворить их: «Если при наличии оснований для применения последствий недействительности сделки истец заявил (виндикационный) иск о возврате имущества, отказ в удовлетворении этого иска, мотивированный тем, что истец должен предъявить новый иск об истребовании имущества в порядке применения последствий недействительности сделки, неправомерен. То, что истец заявил иск о виндикации, не препятствует суду применить при разрешении требований правовые нормы, которые регулируют данные правоотношения^{^^}.

Утверждаемый в рамках концепции реституции тезис о неприменимости к отношениям сторон недействительной сделки норм о виндикации привел к тому, что во второй половине 90-х гг. прошлого века сложилась практика, поддержанная довольно авторитетной частью доктрины, согласно которой в качестве недействительных сделок рассматривалась вся цепочка договоров, по которым имущество, отчужденное неуправомоченным лицом, поступало добросовестному приобретателю, и для его истребования вместо виндикации альтернативно применялась реституция (или «цепочка» реституций) в соответствии с п.2 ст. 167ГКРФ^{^^}.

Смысл этой конструкции состоял в том, чтобы таким образом обойти норму ст. 302 ГК РФ, защищающую добросовестного приобретателя, именно

^{^^} Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав // Российская газета, № 109, 21.05.2010

^{^^} Постановление Президиума ВАС РФ от 17.10.2000 № 2868/00 по делу N А44-2887/99-С6 // Вестник ВАС РФ, 2001, № 1.

^{^^} Тузов Д.О., Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, 2007. С. 174.

на том основании, что она, принадлежа институти виндикации, считалась неприменимой в случае истребования вещи в порядке реституции. Такой вывод следовал из анализа п. 1 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № 126, согласно которому «ввиду того, что законом предусмотрены специальные последствия недействительности сделок, правила об истребовании имущества из чужого незаконного владения (ст. 301, 302 ГК РФ) к отношениям сторон не применяются»^{^^}

Очевидная несправедливость и необоснованность подобной практики, открыто выходявшей смысл закона, вызвала вмешательство Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, которые в п. 35 совместного Постановления от 29 апреля 2010 г. № 10/22 официально разъяснили: «Если имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе обратиться с иском об истребовании имущества из незаконного владения приобретателя (статьи 301, 302 ГК РФ). Когда в такой ситуации предъявлен иск о признании недействительными сделок по отчуждению имущества, суду при рассмотрении дела следует иметь в виду правила, установленные статьями 301, 302 ГК РФ»^{^^^}.

Таким образом, высшие судебные инстанции были вынуждены допустить ограниченное применение норм о виндикации также и к отношениям сторон недействительной сделки.

Обычно при разграничении реституции и виндикации указываются два основных различия между ними, которые и будут далее подробно рассмотрены.

^{^^} Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения // Вестник ВАС РФ, № 1, январь, 2009.

^{^^^} - Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав // Российская газета, № 109, 21.05.2010

Первое различие видят в том, что виндикационный иск ~ это средство защиты права собственности или иного права титульного владения, в то время как в порядке реституции вещь возвращается стороне недействительной сделки независимо от того, имеет ли она на нее какое-либо право. Этому положению, на первый взгляд, соответствует разъяснение п. 81 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25: «При рассмотрении требования лица, передавшего индивидуально-определенную вещь по недействительной сделке, к лицу, которому эта вещь была передана, о ее возврате истец не обязан доказывать свое право собственности на спорное имущество» (хотя, как увидим далее, данное толкование указывает, строго говоря, лишь на распределение бремени доказывания)^{^^}.

Действительно, в п. 2 ст. 167 ГК РФ отсутствует упоминание о том, что возможность применения реституции в отношении сторон недействительной сделки как-то связана с вопросом о правах передавшей имущество стороны (традента) на это имущество. Данное обстоятельство побудило рассматривать реституцию, по сути, как некое посессорное средство защиты, не связанное с каким-либо правом, но опирающееся лишь на как таковой факт владения имуществом до его передачи^{^^}.

Так при буквальном понимании п.2 ст. 167 ГК РФ неясно, что при реституции владения следует считать объектом защиты. Если это не субъективное право, то им может быть только охраняемый законом интерес. Можно, безусловно, допустить, что таковым является интерес, например, лица, не имеющего прав на переданную им по недействительной сделке вещь, но претендующего на ее приобретение по давности владения (п. 2 ст. 234 ГК РФ), при условии что передача вещи фактически произошла помимо его воли либо эта воля сформировалась порочно, что возможно в случае со сделками, недействительными вследствие недееспособности традента (ст.

^{^^} Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Российская газета, № 140, 30.06.2015

^{^^} Тузов Д.О., Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / - М.: Статут, 2007. - С.427.

171, 172 ГК РФ), его нахождения в состоянии, в котором он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ), а также совершенными им под влиянием принуждения (угроз, насилия) или обмана (ст. 179ГКРФ)^^^

Более того, даже при отсутствии условий приобретательной давности в качестве охраняемого интереса здесь можно было бы признать интерес в спокойном владении, в его защите от любых самоуправных посягательств, обмана и иных неправомерных действий: в этом случае реституция принимала бы форму посессорной (владельческой) защиты, как таковой неизвестной российскому праву. Во всех же остальных ситуациях при добровольной передаче беститульного владения обнаружить какой-либо заслуживающий юридической защиты интерес владельца в возврате вещи, ему не принадлежащей, которзто он сам же передал другому лицу, представляется просто невозможным. А без объекта захцнты сама защита лишается основания ^^.

В соответствии с концепцией «неограниченной реституции» (т.е. формальным подходом, опирающегося на буквальное толкование п.2 ст. 167 ГК РФ), упуская объект защиты, делается акцент на том, что, независимо от наличия или отсутствия прав на вещь у стороны, ее передавшей, эту вещь во всяком случае недопустимо оставлять у того, кто определенно никаких прав на нее не имеет. Мотивы такого подхода понять трудно: непонятно, почему при равной неуправомоченности как истца, так и ответчика предпочтение должно быть отдано первому, уже не являющемся и фактическим владельцем спорной вещи. Казалось бы, наоборот, согласно известному принципу при прочих равных условиях положение фактического владельца предпочтительнее'^.

^^ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2018. - С.445.

^^ Хузов Д.О., Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / - М.: Статут, 2007. - С.443.

^^ Тузов Д.О., Природа реституционных правоотношений // Вести. Том. гос. ун-та. 2003. № 379. С.35-43.

От только что рассмотренного материально-правового аспекта проблемы следует отличать ее процессуальный аспект, состоящий в бремени доказывания наличия или отсутствия у истца права на вещь или иного заслуживающего защиты интереса в возврате вещи. Вполне разумно было бы признать здесь презумпцию законности владения истца, не возлагая на последнего бремя доказывания своего права собственности или иного права владеть вещью. Но в слз^ае, если ответчик опровергнет эту презумпцию, доказав, что у истца нет прав на вещь, или если это станет очевидно из иных обстоятельств дела, предоставлять защиту такому истцу было бы необоснованно и нецелесообразно.

Однако если сравнивать реституцию владения с виндикацией, то сложно найти отличия, во всяком случае если виндицирующий истец является физическим лицом, не ведущим формального учета своего имущества. Следует иметь в виду, что и в виндикационном процессе фактически действует презумпция права собственности (предшествующего) фактического владельца (виндицирующего вещь): в самом деле, было бы странно требовать, например, от гражданина, предъявившего иск о возврате украденных у него из квартиры вещей, доказательств его права собственности на все эти вещи и каждую из них в отдельности. Такое доказывание в большинстве случаев было бы практически невозможным, поскольку требовалось бы, строго говоря, не только установить, как и у кого истец приобрел истребуемое имущество, но и проверить законность всех сделок, предшествовавших его приобретению (так называемая *probatio diabolica*, дьявольское доказывание)^^^.

Применяя же названную презумпцию, истцу достаточно лишь доказать, что до факта кражи вещами владел именно он; доказывать же отсутствие у истца какого-либо права должно быть предоставлено ответчику, если, конечно, этот факт не будет явствовать из иных обстоятельств дела.

^^ Тузов Д.О., Природареституционньк правоотношений // Вести. Том. гос. ун-та. 2003. № 379. С.35-43.

Таким образом, в отношении реституции владения речь, как представляется, должна идти о том, что при доказанности отсутствия у истца прав на истребуемое имущество или иного заслуживающего защиты интереса в восстановлении владения им, в реституции, так же как и в виндикации, должно быть отказано. Этому выводу не противоречит и официальное разъяснение Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, в котором говорится лишь о том, что истец при реституции владения «не обязан доказывать свое право собственности» на спорное имущество, т.е. что действует указанная выше презумпция.

Второе различие усматривают в том, что если виндикационный иск является вещным, а осуществляемая при его помощи защита, следовательно, имеет абсолютный характер, направлена против всех и каждого, то реституционное притязание имеет обязательственную природу, оно всегда относительно, так как существует только между сторонами недействительной сделки ^^.

Это отличие представляется лишь кажущимся. Абсолютно само право собственности, поскольку корреспондирует пассивной обязанности всех и каждого воздерживаться от его нарушения и потенциально охраняется от посягательств со стороны любого лица, действует против всех и каждого (*erga omnes*). Виндикационное же правоотношение (если рассматривать его в качестве самостоятельного правоотношения, а не придатка правоотношения собственности), возникая лишь в момент нарушения права, противостоит обязанности строго определенного субъекта - незаконного владельца. Это правоотношение обладает всеми теми же признаками, что характерны для обязательств: оно относительно, поскольку в каждый конкретный момент истребуемая вещь может находиться только у одного обязанного лица, а не у «всех и каждого»; в его содержании на первый план выступает обязанность

^^ Тузов Д.О., Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / - М.: Статут, 2007. - С.481.

незаконного владельца совершить положительное действие - выдать вещь, а интерес лица управомоченного не может быть удовлетворен его собственными действиями, ему предоставлено лишь право требовать выдачи вещи. В рамках виндикационного правоотношения существует и реализуется охранительное право требования - виндикационное притязание (право на защиту), и, как всякое право требования, оно является относительным¹⁰⁰.

Другое дело, что это притязание как бы «следует» за вещью, т.е. пассивно легитимирует любого ее незаконного владельца: *Ubi rem meam invenio ibi vindico* («Где мою вещь нахожу, там и виндицирую»), говорили римляне. Однако следует учитывать, что требование о реституции владения обращено к другой стороне сделки именно потому, что истребуемая вещь в данный момент находится у нее. Если же вещь выбывает из ее владения и переходит к другому лицу, вещный иск (который уже не называется иском о реституции) направляется, в качестве виндикационного, против нового владельца. То обстоятельство, что к стороне недействительной сделки при этом можно предъявить требование о компенсационной реституции (заметим, совершенно отличное от требования о реституции владения), отнюдь не делает невозможным виндикационный иск против нового незаконного владельца¹⁰¹.

Все это не позволяет, думается, утверждать о какой-либо специфике реституции владения, достаточной для ее отграничения от виндикации. Особый же ее субъектный состав (стороны недействительной сделки) не противоречит сделанным выводам, если рассматривать реституцию владения как частный случай применения виндикации (учитывая положения об объекте защиты при реституции данного вида), обусловленный нахождением вещи у другой стороны недействительной сделки. Однако господствующая

¹⁰⁰ Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве / Тузов Д.О. - М.: Статут, 2007. - С. 132.

¹⁰¹ Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике. Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Тузов Д.О. - Томск, 2006. - С.275.

доктрина и судебная практика исходят, как было показано, из
противоположного представления^{^^}.

Несколько иной подход у профессора В.В. Витрянского, который,
опираясь на первоначальный текст п. 2 ст. 166 ГК РФ, отметил, что никакой
конкуренции вещно-правовых и обязательственно-правовых исков при
реституции по недействительной сделке нет и быть не может: поскольку
такая сделка не порождает обязательственных отношений, требование о
применении последствий ее недействительности во всяком случае не может
считаться обязательственно-правовым, а потому правом на его предъявление
наделены не только ее стороны, но и любое заинтересованное лицо, которым,
безусловно, является собственник неправомерно отчужденного имущества.
Последний может обратиться с требованием о реституции к обеим сторонам
сделки по отчуждению его вещи, имея в виду в дальнейшем полз[^]ить ее от
неправомерно отчуждавшего лица по виндикационному иску^{^^}.

Из этого следует, что применение последствий недействительности
сделки, в соответствии со ст. 12 и 167 ГК, представляет собой
самостоятельный способ защиты гражданских прав^{^^} (а не разновидность
виндикации), в связи с чем не исключен последующий спор о
принадлежности данной вещи (в том числе и по виндикационному иску).

Главная же практическая задача состояла в установлении и
поддержании необходимого баланса интересов собственника и
добросовестного владельца (приобретателя) вещи, т.е. интересов
стабильности и развития имущественного оборота. Эта задача была
разрешена Конституционным Судом РФ, который вполне обоснованно
указал на недопустимость смешения различных способов защиты прав
собственника, который заявляет обязательственное по сути требование (о
реституции вещей) на основании признания недействительной сделки или

^{^^} Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблема соотношения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2002. № 3. С. 132.

^{^^} Витрянский В.В. Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // гражданское право современной России. С. 25 - 26.

^{^^} Гражданское право: Учебник. Т. I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд. С. 550.

сделок, совершенных без его участия третьими лицами, тогда как в этих целях ему предоставлен виндикационный (вещно-правовой) иск^{^^}.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что «права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите... с использованием правового механизма, установленного пунктами 1 и 2 ст. 167 ГК РФ», поскольку «такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска»; иное, по справедливому мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «означало бы, что собственник имеет возможность прибегнуть к такому способу защиты, как признание всех совершенных сделок по отчуждению его имущества недействительными», что, в свою очередь, нарушило бы права и интересы добросовестных приобретателей^{^^}. Разумеется, если при этом речь идет о недвижимой вещи, право на которую зарегистрировано приобретателем в государственном реестре, предварительно необходимо с помощью соответствующего иска добиваться исправления (отмены) реестровой записи.

Профессор Е.А. Суханов делает вывод, что собственник может истребовать свою вещь у ее приобретателя по сделке, в которой собственник не участвовал, т.е. у третьего лица, только по виндикационному иску, и не вправе одновременно оспаривать такую сделку (добиваясь применения реституции владения). При ином подходе с помощью реституции становится возможным получить имущество от любого, в том числе и добросовестного, приобретателя, что было бы нарушением баланса интересов такого приобретателя и собственника вещи и не соответствовало бы интересам развития гражданского оборота^{^^}.

Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации вновь подчеркнул, что требования (иски) о реституции и о виндикации конкретной

^{^^} Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С.453.

^{^^} См.: п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

^{^^} Суханов Е.Д. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С.456.

вещи имеют различную (обязательственную и вещно-правовую) юридическую природу. Эти различия состоят:

а) в субъектном составе спора (стороны сделки в реституционных отношениях и собственник вещи с ее незаконным владельцем - в виндикационном требовании);

б) в предмете доказывания (при применении реституции это факт передачи вещи по недействительной сделке, тогда как наличие у отчуждателя права на нее не имеет юридического значения^{^^}, при виндикации, напротив, наличие титула (вещного права) как ее необходимое основание);

в) в условиях удовлетворения (для реституции в отличие от виндикации не имеет значения ни добросовестность фактического владельца, ни возмездность или безвозмездность отчуждения вещи, ни наличие у истца какого-либо юридического титула на вещь);

г) в последствиях утраты спорной вещи (при реституции вместо вещи может быть взыскана денежная компенсация, а при виндикации последует отказ в иске).

Таким образом, реституция не исключает виндикации (и наоборот), поскольку они применяются в различных ситуациях, а способ защиты нарушенного права определяется не волей (усмотрением) управомоченного лица, а юридической природой этого права.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что в общем виде соотношение виндикационного (вещного) иска и иска о применении последствий недействительности сделки (реституции) являются двумя разными по юридической природе исками и рассчитаны на применение в различных ситуациях, а потому и не должны «конкурировать» между собой, хотя в правоприменительной практике до сих пор встречаются случаи их смешения.

^{^^} См.: Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 109 -110.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ законодательства о недействительных сделках и их последствиях, научной литературы и правоприменительной практики позволил в магистерском диссертационном исследовании сделать следующие выводы.

1. Единый подход к пониманию природы недействительной сделки отсутствует в цивилистической доктрине и на практике. Так, по мнению профессора Д.О. Тузова, недействительная сделка не является юридическим фактом. Однако этот вывод не разделяется большинством цивилистов и практикующими юристами: недействительная сделка мыслится как особого рода юридический факт, с которым правопорядок связывает определенные правовые последствия, хотя и нетипичные, отклоняющиеся от нормальных, не те, которые имелись в виду сторонами. Эта позиция подкрепляется и некоторыми законодательными формулировками.

Так, согласно п. 1 ст. 167 ГК РФ «недействительная сделка не влечет юридический последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью». Подобное определение, неизвестное западным законодательствам, стало результатом весьма специфической концепции недействительности и ее последствий. Сегодняшнее в отечественном праве понимание недействительности отличается от ее естественного, изначального и привычного понимания в правопорядках романистической традиции.

Все это свидетельствует о том, что на законодательном уровне необходимо внести некоторые коррективы во второй параграф главы девятой Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно:

- Дать легальное определение недействительной сделки:

Недействительная сделка - это неправомерное действие, совершенное в виде сделки, в котором законом и (или) судом установлено нарушение условий действительности такой сделки, не способное породить те

гражданско-правовые последствия, наступления которых желали его субъекты.

Поскольку из содержания действующего пункта 1 статьи 167 ГК РФ сложно определить правовую природу недействительных сделок, как следствие, все это порождает немало проблем. Размытость законодательных формулировок позволяет, под «недействительной сделкой» понимать как сделку - юридический факт (в этом смысле «недействительная сделка» будет означать сделку, не влекущую за собой юридических последствий, на которые была направлена воля сторон), так и сделку - правоотношение, которое отрицается правом в силу тех или иных юридических недостатков, имевших место в момент совершения сделки - юридического факта.

2. Деление недействительных сделок на ничтожные и оспоримые зачастую может показаться не вполне ясным вследствие того, что в русском юридическом языке повсеместно используется один и тот же термин «недействительность» для обозначения двух этих различных явлений - отсутствия юридического эффекта сделки - собственно недействительность и наличия в ней внутренних пороков - порочность, способных привести к недействительности в результате оспаривания. Это неминуемо приводит к их отождествлению и поэтому к неверным построениям и выводам.

В самом деле, при подобном подходе оспоримая сделка зачастую рассматривается как вид недействительных сделок независимо от аннулирования ее судом, несмотря на то бесспорное и общепризнанное в доктрине положение, что до момента своего аннулирования такая сделка порождает те правовые последствия, на которые направлена. В результате возникает неразрешимое логическое противоречие, в стремлении избежать которого иногда даже ставятся под сомнение сами категории ничтожности и оспоримости. Это является следствием невольной подмены понятий, поскольку не учитывается, что ничтожность и оспоримость представляют собой формы порочности, а не недействительности. Общепринятая терминология, обозначающая эти две формы (ничтожность и оспоримость),

совершенно точно отражает объективное юридическое состояние сделки, указывая на то, к каким последствиям приводят пороки ее состава. Напротив, когда один и тот же термин «недействительность» используют для обозначения качественно различных правовых явлений, а ничтожность и оспоримость рассматривают в качестве форм недействительности, как это имеет место в российском юридическом обиходе, неминуемо возникает отмеченная путаница.

В связи с этим российскому праву необходимо как можно скорее прояснить сам механизм применения ничтожных и оспоримых сделок и выработать критерии, позволяющие четко определить те случаи, когда такое применение могло бы быть уместным.

3. Доминирующее в доктрине представление связывает правовые последствия именно с недействительной сделкой как юридическим фактом.

Признавая особую природу реституции, было бы логически признать, что недействительная сделка все же в каком-то смысле влечет те правовые последствия, на которые она направлена. Очевиден, таким образом, логический круг: недействительную сделку считают юридически значимой (юридическим фактом), т.е. существующей для права, потому что полагают, что правопорядок связывает с ней (точнее, с произведенными по ней имущественными предоставлениями) особые правовые последствия, прежде всего реституцию; сама же реституция рассматривается в свою очередь как самостоятельное, специфическое средство, отличное как таковое от возврата недолжно полученного по правилам о неосновательном обогащении или виндикации, поскольку она на особом правовом основании - недействительной сделке.

4. В свою очередь, природа реституционных правоотношений различна в зависимости от того, на какой объект направлено притязание стороны недействительной сделки. Поэтому невозможно не признать, что, будучи собирательной категорией, понятие реституции охватывает различные средства защиты, предоставляемые сторонам недействительной сделки для

истребования переданного ими друг другу имущества или компенсации его стоимости. Исходя из этого, соглашаясь с ученым - цивилистом Д.О. Тузовым, реституционные обязательства можно подразделить на две группы:

- обязательства, направленные на возврат переданной по сделке и сохранившейся в натуре индивидуально-определенной вещи (реституция владения);

- обязательства, направленные на возмещение стоимости полученного по сделке или - в отдельных случаях - на натуральное возмещение (компенсационная реституция).

5. Отечественная конструкция «применения последствий недействительности сделки» предполагает, по существу, принудительное осуществление судом двусторонней реституции, т.е. реституции не только в пользу самого истца, но и в пользу ответчика.

Подобное понимание двусторонней реституции не учитывает, однако, того обстоятельства, что целью любого иска является защита прав или охраняемых законом интересов только истца и никого более. Заявляя иск, лицо требует защиты только своих прав или интересов. При применении же двусторонней реституции в изложенном понимании получалось бы, что истец инициирует не только принудительное осуществление собственного реституционного притязания, но и - независимо от своей воли - реализацию обращенного против него самого притязания ответчика, причем безотносительно к желанию этого последнего. Подобная процессуальная «взаимость» не характерна даже для исковых требований, и вступает в противоречие с основами процессуального права, в частности с принципом диспозитивности гражданского процесса. В сложившихся условиях концепция законодательно закрепленной реституции требует современного переосмысления.

6. Роль института добросовестности в процедуре признания сделки недействительной весьма значительна. С одной стороны, заявление недобросовестной стороны о недействительности сделки не имеет правового

значения. А значит, установление недобросовестности в действиях стороны сделки является средством оздоровления такой сделки, даже если есть законные основания для ее недействительности. С другой - недобросовестное поведение само по себе становится основанием для признания сделки недействительной и применения соответствующих последствий, таких как односторонняя реституция, недопущение реституции.

7. Положительную законодательную динамику по отношению к принципу добросовестности можно наблюдать в принятии Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Одним из серьезных нововведений стало включение в текст кодекса положений об ограничении оспаривания сделок. Так, в абз. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ указывается, что сторона, проявившая волю сохранить силу сделки, не вправе оспаривать последнюю по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении этой воли. Также в п. 5 ст. 166 ГК РФ закреплено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на это лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность данной сделки.

Вышеуказанные положения выступают следствием восприятия отечественной теорией, а затем и законодателем доктрины «эстоппель» (estoppel), зародившейся в правопорядках систем общего права. Целью правила «эстоппель» является создание предсказуемых правоотношений и исключение недобросовестного поведения, как, например, оспаривание или утверждение фактов, ранее подтверждавшихся или оспаривавшихся.

Таким образом, если сторона, знающая о пороке сделки, тем не менее демонстрировала другой стороне свою волю сохранить заключенную сделку действительной, то в этом случае она своим поведением оздоравливает (конвалидирует) данную сделку. В такой ситуации обращаться с требованием

о признании заключенной сделки недействительной будет недобросовестно по отношению к другой стороне.

Следует отметить, что законодательный подход, закрепленный в подп. 4 п. 2 ст. 166 ГК РФ, отражает тенденцию расширения оснований оспаривания оспоримых сделок, является одним из способов защиты субъективных гражданских прав по сделкам, создающим правовую неопределенность. Сам же термин «эстоппель» в гражданском законодательстве РФ не закреплен, однако его содержание раскрыто в отдельных приведенных выше положениях Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, судебной практике.

8. Наряду с двусторонней реституцией как общим последствием недействительности в специально предусмотренных законом случаях возникают правоотношения по возмещению понесенного реального ущерба или вообще убытков, например, абз. 3 п. 1 статьи 171, абз. 2, 3 п.6 ст. 178, п.4 ст. 179ГКРФ.

Убытки, в свою очередь, - это отдельный предмет доказывания. Необходимо доказать и размер убытков, и то, что убытки причинены именно данной сделкой. Наибольшую сложность вызывает доказывание причинно-следственной связи между убытками пострадавшей стороны фактом признания заключенной сделки недействительной. Убытки состоят из реального ущерба и упущенной выгоды, и каждый из этих элементов подлежит особому доказыванию. Следует отметить, что в ряде норм говорится о возмещении реального ущерба, то есть выгоду взыскивать не всегда возможно.

Все это свидетельствует об отсутствии последовательного законодательного механизма возмещения убытков при применении последствий недействительности сделок. Данная проблема и в доктрине надлежащим образом не рассмотрена.

9. В вопросах выбора способа защиты нарушенного права много трудностей. Дело в том, что законодатель не установил применение того или иного способа защиты при нарушении определенного субъективного права, а ограничился лишь перечислением в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации универсальных способов защиты.

Эта неопределенность в выборе способа защиты нарушенного права порождает так называемую «конкуренцию исков». Однако все эти гражданско-правовые способы защиты (иски) имеют различия в основаниях и условиях своего применения.

В общем виде соотношение способов защиты можно представить:

- иск о применении последствий недействительности сделки (реституции) и виндикационный (вещный) иск являются двумя разными по юридической природе исками и рассчитаны на применение в различных ситуациях, а потому и не должны «конкурировать» между собой;

- кондикционное требование (из неосновательного обогащения) является субсидиарным в отношении того и другого иска, а потому может дополнительно применяться к ним обоим (например, при предъявлении собственником-истцом требования о возврате плодов и доходов, извлеченных ответчиком из вещи за время ее неправомерного использования, или при возникновении спора о судьбе произведенных ответчиком улучшений вещи).

Вещные иски как абсолютные по своей юридической природе не применяются при наличии между участниками спора договорных (обязательственных) правоотношений. В этом случае используется законодательство (и предусмотренные им средства гражданско-правовой защиты), регулирующее договорные, а не вещные отношения.

Однако в правоприменительной практике до сих пор встречаются случаи их необоснованного смешения, что свидетельствует о необходимости выделения законодателем специальных критериев применения этих способов защиты.

в целом, поставленные в начале работы задачи можно считать решенными, а общую цель исследования — достигнутой. Все полученные выводы были сформулированы в заключительных частях отдельных параграфов работы.

Разумеется, предпринятым исследованием тема правовых последствий недействительности сделок еще далеко не исчерпана. Специфика отношений, складывающихся между участниками недействительной сделки, несомненно, накладывает свой отпечаток на содержание как реституционных прав и обязанностей сторон, так и на применение иных правовых последствий недействительности сделок. Вопросы применения последствий недействительности сделок, конечно же, требуют своей и дальнейшей углубленной разработки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1994, - № 32. - Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1996, - № 5, - ст. 410.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.

5* О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 19. - ст. 2327.

^, О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ // Российская газета. - № 52. - 2015.

7. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Российская газета. - № 209-210. - 2002.

8,, Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 1.

9. Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 7. - Ст. 785.

Специальная литература:

10. Алексеев А.Н., Краснов Д.Д. Соотношение ничтожных и оспоримых сделок по российскому гражданскому праву. Часть вторая // Российский судья. - 2016. - № 5. - С. 13 - 17.

11. Андреев В.К. Сделка и ее недействительность // Юрист. - 2014. - № 1. - с. 8-12.

12. Баринов А.М., Бушев А.Ю., Городов О.А. и др. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В.Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект. - 2017. - 1200 с.

13. Байбак В.В., Карапетов А.Г. Анализ проблемных вопросов применения ст. 178 ГК РФ об оспаривании сделки в связи с существенным заблуждением // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2017. - № 9. - С. 70 - 102.

14. Бевзенко Р.С, Правоотношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Изд-во Юрайт. - 2009. - 993 с.

15. Богданова Е.Е. Принцип добросовестности в действиях сторон и проблемы оздоровления (конвалидации) недействительных сделок // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2010. - № 8. - С. 70-76.

16. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: В 5 кн. М.: Статут, - 2001. - Кн. 1. - 848 с.

17. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. СПб., - 1874. - Т. 1. - 375 с.

18. Витрянский В.В. Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // Гражданское право современной России. - 2016. - С. 15-26.

19. Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, - 1947. - Вып. 5. - С.40-57.

20. Гербутов В.С., Новак Д.В. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения // Вестник ВАС РФ. - 2014. - № 1. - С.58-95.

21. Громов А.А., Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ПС РФ. Самые значимые поправки. М.; Акцион-Медиа. - 2014. - 176 с. *

22. Груздев В.В. Гражданско-правовое значение добросовестности // Право и экономика.-2016.-№ 12.-С. 17- 23.

23. Гутников О. В. Недействительность сделок в гражданском праве. М., -2003. -576 с.

24. Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. М., — 1997. -272 с.

25. Егоров А.В. Сделки, противные основам правопорядка и нравственности: в России и за рубежом // Сборник статей: международный коммерческий арбитраж, международное частное, сравнительное, гражданское право и процесс / Сост. и науч. ред. А.И. Муранов, В.В. Плеханов. М., 2013.

"Ш. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву - СПб., - 2000. - 782 с.

27. Калмыков Ю. Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. Саратов, - 1987. - 216 с.

2.8, Кархалев Д.Н. Кондикция в гражданском праве // Гражданское право. - 2015. - № 6. - С. 33-36.

29. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденная Президиумом Совета при

Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства протоколом от 11 марта 2009 г. № 2. Электронная версия представлена на сайте Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации.

30. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / А.В. Алтухов, О.А. Беляева, Н.А. Бортникова и др.; отв. ред. В.Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, - 2017. - Выш. 22. - 212 с.

31. Куликов К.А. Роль принципа добросовестности в признании сделки недействительной // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2015. - № 4. - С. 119-123.

32. Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., -2010. - 186 с.

33. Крашенинников Е.А. К теории права на иск. Ярославль, - 1995, - 76 с.

34. Мейер Д.И. Русское гражданское право (в 2 ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., Изд. 3-е, испр. М.: «Статут», - 2012.-831 с.

35. Мосечкин И.Н., Махнев А.В. Проблематика и способы исполнения обязательства по правилам двусторонней реституции // Российская юстиция. - 2018. - № 3. - С. 25 - 28.

36. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. -М.: Госюриздат, 1954. 247 с.

III. Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2008 год с комментариями / Под ред. А.А. Иванова. М., - 2012. - 462 с.

38. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учеб. / пер. с маке-донск. М., - 1999. - 448 с.

39. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. - Л.: Изд-во Ленинградского унта, - 1960. -174 с.

40. Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву. Часть общая и часть особенная. Догматическое исследование. СПб., -1901. - 382 с.

41. Ровный В.В. Конкуренция исков в российском гражданском праве. Теоретические проблемы защиты гражданских прав. Иркутск, - 1997. -278 с.

42. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2013. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права (автор главы-В.С. Ем).-496 с.

43. Савостьянова О.Н. Двусторонняя реституция при недействительности договора купли-продажи, совершенного гражданином, находившимся в момент его заключения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (пункт 1 статьи 177 ГК РФ) // Юрист. - 2017. - № 22. - С. 14-17.

44. Сергеев А. П. Гражданское право. В 3 т. Т. 1 / - М. : - 2009. - 1008 с.

45. Серокурова У.В. Судебно-арбитражная защита права собственности на недвижимое имущество: Дис. ... канд. юрид. наук. М., — 2003.-199 с.

46. Сеницын С.А. Реституционные правоотношения: понятие, содержание, проблемы классификации // Юрист. - 2015. - № 19. - С. 32 - 39.

47. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, - 2018. - 1264 с.

48. Скловский К.И. Основные положения о поручительстве с учетом изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации // Судья. - 2016. - № 9. - С. 11-26.

49. Скловский К.И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. -2002. - № 8. - С. 109-115.

50. Старцева Ю.В. Общие положения недействительности сделок в свете разъяснений Верховного Суда Российской Федерации // Судья. - 2015. - № 10. - С. 59-64.
51. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, -2017.-560 с.
52. Телюкина М.В. Понятие сделки: теоретический и практический аспекты // Адвокат. - 2002. - № 8. - С. 18-29.
53. Тузов Д. О. Ничтожность и оспоримость юридической сделки. Пандектное учение и современное право. М., - 2006. - 204 с.
54. Тузов Д. О. Общие учения теории недействительных сделок и проблемы их восприятия в российской доктрине, законодательстве и судебной практике: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Томск, - 2006. ~ 365 с.
55. Тузов Д.О. Кондикционный иск против неосновательно обогатившегося по ничтожной сделке собственника. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 17.01.2017 № 85-КГ16-13 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. -2017. -№ 6. - С. 24-30.
56. Тузов Д.О. Конфискация полученного по сделке, противной основам правопорядка или нравственности, в судебно-арбитражной практике и проекте изменений гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. - 2011.- С.40—41.
57. Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, - 2007. - С. 99-103.
58. Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблема соотношения // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2002. - № 3. - С. 115-135.
59. Учение о вещах; Учение о юридической сделке // Чтения по гражданскому праву / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М.: Зерцало. — Т. 2. — 320 с.

60. Хатунцев О.А. Конкуренция способов защиты вещных прав // Власть Закона. - 2015. - № 3. - С. 106-116.
61. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. - М.: Юрайт, - 2000, - 162 с.
62. Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. — М.: Спарк, - 1996.-522 с.
63. Черепахин Б.Б. Приобретение права собственности по давности владения // Советское государство и право. - 1940. - № 4. - С.51- 61.
64. Черепахин Б.Б. Виндикационные иски в советском праве // Учен, зап. Свердловского юридического института. -Т. 1. - Свердловск, 1945. - С.3-33.
65. Шаина М.А. Реституционное обязательство в гражданском праве России: понятие, основания возникновения, содержание // Российский юридический журнал. - 2016. - № 6. - С. 104-109.
66. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М.: Спарк, - 1995. - 556 с.
67. Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. - 2017. - № 11. - С. 9-12.

Судебная практика

68. Постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // СЗ РФ. - 2003. - № 17. - Ст. 1657.
69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с

защитой права собственности и других вещных прав // Российская газета. - №109.-2010.

70. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета - № 140 -2015.

71. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств // Российская газета. - № 70. - 2016.

72. Постановление Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Вестник ВАС РФ. - № 6. - 2014.

73. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) О некоторых вопросах, связанных с применением главы III Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. - № 3. - 2011.

74. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 N 102 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса РФ» // Вестник ВАС РФ. - № 4. - 2006.

75. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения // Вестник ВАС РФ. - № 1. - 2009.

76. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» // Вестник ВАС РФ. - № 4. - 2014.

77. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179

Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. - № 2. - 2014.

78. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - № 10. - 2015.

79. Постановление Президиума ВАС РФ от 08.02.2000 № 1066/99 // Вестник ВАС РФ. - 2000. - № 6.

80. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.10.2000 № 2868/00 по делу № А44-2887/99-С6 // Вестник ВАС РФ. - 2001. - № 1.

81. Постановление Президиума ВАС РФ от 19 октября 2004 г. № 5905/04 // Вестник ВАС РФ. - 2005. - № 2.

82. Постановления Президиума ВАС РФ от 27 мая 2008 г. № 4267/08 по делу № А40-28822/07-50-268 // Вестник ВАС РФ. - 2008. - № 8

83. Постановления Президиума ВАС РФ от 29 мая 2012 г. № 17530/11 // Вестник ВАС РФ. - 2012. - № 9.

84. Постановления Президиума ВАС РФ от 11 сентября 2012 г. № 3116/12 // Вестник ВАС РФ. - 2012. - № 12

85. Постановление Президиума ВАС РФ от 25 сентября 2012 г. № 5944/12 // Вестник ВАС РФ. - 2013. - № 1.

86. Постановление Президиума ВАС РФ от 26 марта 2013 г. № 15327/12 // Вестник ВАС РФ. - 2013. - № 10.

87. Постановление Президиума ВАС РФ от 5 февраля 2013 г. № 11906/12 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

88. Постановления Президиума ВАС РФ от 8 октября 2013 г. № 5257/13 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

89. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.02.2013 № 11906/12 по делу № А56-4194/2011. // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

90. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2014 г. № 1152/14 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

91. Постановление Президиума ВАС РФ от 7 июня 2011 г. № 1744/11; [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

92. Постановление Президиума ВАС РФ от 4 декабря 2012 г. № 9443/12. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

93. Определение Верховного Суда РФ от 09.10.2017 № 308-ЭС15-6280 по делу № А32-29459/2012 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа; <http://www.consultant.ru>.

94. Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2014 по делу № 310-ЭС14-79, А09-9146/2013 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

95. Определение Верховного Суда РФ от 17.01.2017 № 85-КГ16-13// [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

96. Определение КГД ВС РФ от 14 апреля 2015 г. № 33- КГ15-5 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

97. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.09.2015 № 305-ЭС15-1923.// [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

98. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 сентября 2014 г. № 305-ЭС 14-68 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

99. Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2015 № 306-ЭС14-929 по делу № А55-11662/2013 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

100. Определение КЭС ВС РФ от 9 июня 2016 г. № 308-ЭС14-9028 // [Электронный ресурс] // Информационная система «Мой арбитр». - Режим доступа: www.arbitr.ru.

101. Определение КЭС ВС РФ от 24 декабря 2015 г. № 309-ЭС15-11394 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

102. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 25.07.2006 по делу N А31-1827/2005-21 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

103. Постановление АС Северо-Западного округа от 25 июня 2015 г. по делу № А44-6637/2014 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

104. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 ноября 2015 г. по делу N А32-5231/2013 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

105. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 октября 2015 г. по делу № А32-15375/2014 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

106. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2015 г. по делу № А72-5653/2015 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.


107. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.09.2015 по делу № А45-26478/2014 // [Электронный ресурс] // Информационная система «Мой арбитр». — Режим доступа: www.arbitr.ru.

108. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.06.2015 по делу № А53-22171/2014.// [Электронный ресурс] // Информационная система «Мой арбитр». - Режим доступа: www.arbitr.ru.

109. Апелляционное определение Московского областного суда от 16.11.2016 по делу № 33-29251/2016 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ПО. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 09.02.2016 по делу № 33-690/2016 // [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Юридический институт
Кафедра коммерческого, предпринимательского и финансового права


УТВЕРЖДАЮ
Зав. кафедрой
 И.В. Шипко
подпись инициалы, фамилия
« 22 » 06 2018 г.

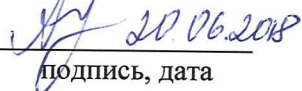
МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ


Гражданско-правовые последствия недействительности сделки: вопросы
теории и правоприменительной практики

40.04.01 «Юриспруденция»

40.04.01.00.03 «Корпоративный юрист»

Научный руководитель  01.06.18 профессор, д.ю.н. Т.В. Шепель
подпись, дата должность, ученая степень инициалы, фамилия

Выпускник  20.06.2018
подпись, дата А.С. Федотова
инициалы, фамилия

Рецензент  07.06.2018
подпись, дата Старший
юрисконсульт
АО СИБМОСТ
должность М.Ю. Сидорова
инициалы, фамилия

Красноярск 2018